

НАНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ

№4.2022

12+

НАНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ

Уважаемые читатели!
В номере приводятся аяты из Священного Корана.
Просьба обращаться с журналом бережно.
ГАУ "Издательский дом"

4. 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ЮБИЛЕЙ

Шима ОКУЕВ.
Рассказы о Чоре. /2/

ПРОЗА

Исмаил АКАЕВ.
Узник. /Рассказ/. /7/
Янина ДИКАЕВА.
Голод и достоинство. /Рассказ/. /13/

ЛИРА

Адам АХМАТУКАЕВ
Боль рубцуется на генах... /10/
Ибрагим ДЖАБИРОВ.
Немеркнущая слава... /21/
Аслан ДЖАБРАИЛОВ.
Симфония дождя... /26/

Амина САДЫКОВА.
Несбывшимся... /48/
Магомед АБДУЛЛАЕВ.
Тростник моих чувств... /51/

ДРАМАТУРГИЯ

Асет ХАЛИКОВА
Предательством
оборванное родство. /30/

ПАМЯТЬ

Адиз КУСАЕВ.
К вопросу о первых улицах
форштадта крепости Грозной
(1818-1822 гг.). /56/

КУЛИНАРНАЯ СТРАНИЦА

Кухня народов мира /68/

Юбилей

Шима ОКУЕВ

6 ноября известному чеченскому писателю Шиме Окуеву исполнилось 85 лет. Родился он в городе Грозном. Окончил филологический факультет Чечено-Ингушского государственного университета. Работал главным редактором районной газеты, заведующим отделом пропаганды и агитации райкома партии, преподавателем и директором средней школы. Печатался с 1957 года, его первая книга «Мой Шатой» вышла в 1962 году. С тех пор Ш. Окуевым издано более 10 книг, в том числе крупные исторические романы «Красные цветы на снегу», «Пролог», «Земля и кровь», «Последний правитель», сборники повестей, стихов и рассказов. Собрал и обработал народные рассказы о Чоре – остролове и балагуре. Член Союза писателей СССР. Писал на чеченском языке.

Рассказы о Чоре

Как-то Алигерей купил на базаре курдюк, посолил его и повесил в сенях посушить. Узнал об этом Чора и решил подшутить над своим другом.

– Алигерей привез с базара курдюк, – сказал Чора своему соседу Эдилсолте, – давай украдем его.

– Неплохо задумано, – согласился Эдилсолта. – Сварим сами и позовем в гости Алигерейя.

К вечеру Чора и Эдилсолта пошли к дому Алигерейя. Прислушались. Тихо. Притаились в кустах черной бузины, что росла в огороде Алигерейя, и ждут. Ждут, пока Алигерей уйдет куда-нибудь или ляжет спать. Через некоторое время пришел мальчик, сын соседа Алигерейя, и позвал его к отцу в гости. Алигерей строго наказал жене стеречь курдюк и ушел.

Только он закрыл за собой ворота, Чора юркнул в сени, схватил курдюк и, ловко перемахнув через забор, пошел к себе. Идут они с

Эдилсолтой и посмеиваются.

Алигерей побыл немного у соседа, поговорил с ним и заспешил домой, не дождавшись ужина. Вернулся домой, оглядел сени – курдюка нет.

– Эй, жена, ты убрала отсюда курдюк? – встревоженно закричал Алигерей.

– Сейчас уберу, некогда было...

– Ах ты, негодница, не уберегла курдюк от Чоры! – выругался Алигерей и побежал через дворы и огороды. Догоняет Алигерей их и видит, что Чора не один. «Не справиться мне с двоими, – думает он. – Как же мне быть?»

В это время Чора передал курдюк Эдилсолте, весело приговаривая:

– Ай да курдюк! Всем курдюкам курдюк! Понеси немного, я тебя догоню.

Как только Эдилсолта удалился от Чоры, Алигерей тихо, без шума, догнал его и под голос Чоры сказал:

– Дай-ка, теперь я понесу.

Тот, не оборачиваясь, отдал Алигерейю кур-

дюк, думая, что передает его Чоре. Алигирей сбавил шаг, приотстал немного, свернул в переулок и направился к себе.

Догоняет Чора Эдилсолту и посмеивается:

– Бедный Алигирей! Сидит, наверное, и горюет о потерянном курдюке. Ну, давай курдюк, Эдилсолта.

– Какой курдюк? – удивился Эдилсолта.

– Как – какой? – не менее его удивился и Чора. – Тот, что мы у Алигирея утащили! Тот, что я тебе только что передал!

– Да что ты, Чора, в своем ли уме? Ты же забрал его у меня.

– Нет, это ты, пожалуй, ума лишился!

Тут они поняли, что Алигирей обвел их.

– Ну погоди, Алигирей, я не Чора, если ты сегодня полакомишься своим курдюком!

Чора поднял полы своей черкески и во всю прыть побежал к дому Алигирея, чтобы прийти раньше него. Осторожно, чтобы не услышала жена Алигирея, проник в сени и спрятался. Алигирей, веселый и довольный, вошел во двор, приоткрыл дверь сеней и сказал жене:

– На, возьми курдюк и спрячь его хоть теперь подальше, чтобы этот плут Чора не добрался до него. А я схожу, за лошадью присмотрю.

Чора молча протянул руку и взял у Алигирея курдюк. Как только Алигирей скрылся в сарае, Чора выскочил из сеней, прошел огородами и спокойно вышел на улицу.

Возвращается Алигирей из сарая и спрашивает у жены:

– Ну как, спрятала ты курдюк?

– О каком это курдюкем ты меня спрашиваешь сегодня весь вечер? – удивилась жена. – Не видела я никакого курдюка.

– «Не видела, не видела!» – передразнил Алигирей жену. – Ты свой нос хоть видела?

Побежал Алигирей к Чоре. Заглянул в окно и видит: Чора уселся на паднаре и играет на дечиг-пондаре, а вокруг него расположились гости – соседи Чоры. На печке стоит большой котел, и женщина готовит галушки. Понял Алигирей, где его курдюк. «Клянусь Аллахом, – решил он, – вы не отведадите сегодня курдюк!» Отломил Алигирей ветвь от дерева, обтесал, заострил и сделал крюк наподобие ярлыги. Влез на крышу, осторожно разобрал досочки рядом с дымовой трубой, улучшив момент, опустил крюк, зацепил им курдюк в котле, и поднял вверх. Затем бесшумно слез с крыши и пошел домой с курдюком, завернутым в полу черкески.

В доме Чоры никто ничего не заметил.

Когда женщина, кончив стряпню, хотела вынуть из котла сваренный курдюк и опустить туда галушки, она увидела, что котел пуст. Удивилась и спросила у Чоры:

– Ва, Чора, что это такое! Котел пуст, нет курдюка. Я же своими глазами только что видела, как в котле варился курдюк, а теперь его нет.

– Нет, говоришь? Я знаю, где он. Сидите спокойно, не расходитесь – я сейчас вернусь.

И Чора опять что было сил побежал к дому Алигирея, влез через окно в гостиную и спрятался под паднаром. Алигирея недолго пришлось ждать.

– На, жена, – протянул он курдюк, – спрячь его под паднаром в гостиной. И не хлопай больше ушами. А этот кусок, – он отрезал кинжалом небольшой кусок от курдюка, – мы поедем с тобой сегодня.

Жена Алигирея прошла в комнату, где спрятался Чора, и положила курдюк, как и велел

муж. А Чоре-то только этого и надо было. Он подождал немного, пока Алигирей с женой уселись ужинать, взял курдюк, вылез через окно и крикнул:

– Эй, Алигирей, если тебе понадобится бульон, чтобы запить свой кусок курдюка, пришли жену ко мне: у меня целый котел бульона.

Алигирей выскочил во двор, а Чоры и след простыл.

– Ва, Чора, почему чеченцев считают самыми храбрыми? – спросили у Чоры.

– Причина в зерне, – ответил Чора. – Чеченцы едят лишь кукурузу, а все остальные предпочитают отдадут пшенице. Положите в огонь зерно пшеницы и зерно кукурузы. Пшеница еле зашипит, а зерно кукурузы взрываются с треском. Кто же в состоянии одолеть чеченца, съевшего целый чурек?! А если он запьет его соленой подливой и заест крепким луком, он, чего доброго, и самого царя одолеет.

– Чора, кого можно считать хорошим воином?

– Хорошим воином считается тот, – ответил Чора, – кто сломя голову вперед не рвется и от страха в хвосте не плетется, кто хорошо знает свой долг и отлично справляется с возложенными на него поручениями.

Один шутил:

– Я тебя, Чора, сброшу с обрыва.

– Сбросить-то меня с обрыва легко, а удалось бы тебе так же легко меня втащить?

Как-то в горах встретились Чора и аварец.

– О, ассалам алейкум! С добрым приходом, Чора! Будь здоров! Куда и откуда путь держишь? – обнял аварец Чору.

– Ва алейкум салам! И тебя с приходом и здравием. Иду веселиться, а ты куда путь держишь?

– Иду в Чану, там работа есть. Что нового, все ли у вас живы-здоровы?

– Слава Богу. А у вас что нового?

– И наши все живы и здоровы. Присядем? Поедим мои халтамаш, поговорим о том о сём.

– Нет, попробуем мой чурек, он лучше халтамов.

– Ей-богу, халтамаш лучше чурека, тем более халтамаш аварские.

– Э-э, куда халтамам до чурека, – настаивал Чора.

– Спорим? – не вынес аварец.

– Спорим, – согласился Чора.

– А ну-ка, ударь своим чеченским чуреком об эту каменную гору, – предложил аварец.

Чора вытащил из кожаной сумки чурек и ударил им со всего размаху о скалу. Чурек разлетелся на мелкие крошки. Тогда аварец ударил своим халтамом о гору. Халтам со звуком «чпок» прилип к горе.

– Вот так халтам прилипает к желудку и дает силу! – горделиво сказал аварец.

– Что же, поедем твои халтамаш, – согласился Чора и с удовольствием разделил с аварцем его трапезу.

– Как похожа его походка на твою! – сказал Чоре сосед, увидя идущего по улице грязного, оборванного и плачущего мальчика.

– Да, походка схожа с моей, – заметил Чора,
– но плач его не отличишь от твоих стонов.

Шел однажды Чора с горцами по склону высокой горы. Глянув вниз и увидев под собой белые облака, один из горцев сказал: «Чем идти по пыльной дороге, не лучше ли пройти по белой вате», – и прыгнул вниз со склона высокой горы. Чора еле-еле спустился вниз посмотреть, что случилось с ним. А сверху у Чоры спрашивают:

– Что-нибудь случилось?

– Ничего особенного, – спокойно ответил Чора. – В нескольких местах разбита голова, в трех местах переломлен позвоночник, вывихнуты руки и ноги.

– А умер? – кричат сверху.

– Умереть-то умер, – ответил Чора.

В дороге Чоре повстречался путник.

– Откуда родом будешь? – спрашивает Чора.

– Из Гелдагана, – отвечает путник.

– Гел-да-га-на, гел-да-га-на... Если «гелдагана» произнести три раза, то под такую мелодию можно и без барабана сплясать, – сказал Чора.

Как-то холодным зимним днем два горца решили разыграть Чору. Зажгли они высоко в горах огонь и говорят:

– Чора, может быть, тебе жарко? Тогда можешь снять шубу – прохладнее будет.

Через некоторое время Чора пригласил их к себе гости. Растопил печку, а котел с пищей поставил варить на верхушку трубы над крышей.

– Э-э, Чора, что ты делаешь? Разве на трубе котел вскипит? – спрашивают проголодавшиеся гости.

– Если вы зажгли костер на дальней горе и согревали человека в ауле, то разве котел на трубе не вскипит от огня, разожженного в комнате? – ответил Чора, и гости, не дождавшись обеда, ушли.

– С одним яйцом я съедаю целый чурек, – хвалился дуба-юртовец.

– А я съедаю два чурека, – сказал Чора, – прежде, чем курица успеваеет снести яйцо.

Как-то одна женщина спросила у Чоры:

– Вот уже третий день у меня болят зубы, чем бы мне унять боль? Посоветуй, Чора.

– Не вспоминай о зайце, и боль пройдет.

Через какое-то время Чора встречает женщину спрашивает про зубную боль.

– Про зубы-то я давно забыла, да вот заяц, умри его отец, никак из головы нейдет! – ответила женщина.

На базаре Чора спрашивает у торговки стоимость шерсти.

– За фунт – рубль, – ответила та.

– Что же так дорого? – удивился Чора.

– Чему же ты удивляешься? Она чернее угля, горячее огня, мягче пуха, легче воздуха, – начала расхваливать шерсть торговка.

– Эх, женщина, любишь ты болтать! Назови эту шерсть хоть раз своим именем. Причем здесь уголь, огонь, пух, воздух? – сказал Чора.

– Ва, Чора, как понять смысл слов «смерть», «гибель», «сгинуть»? – спрашивает один.

– Умрет гостеприимный хозяин – это смерть, умрет отец семейства – это гибель, а умрет подобный тебе – это значит сгинул.

Как-то Чора оказался за Терекком в гостях у друга. Жена друга поставила перед ним прокисшую подливу, в которой отражались тени, и черствый чурек. Взглянул Чора на угощение и сказал:

– Признаться, и у меня дома оказалась такая же еда. Удивительно, как она, преодолев Терек не смешавшись с ним, прямо к нам на стол попала?

Однажды вечером, возвращаясь из лесу, Чора потерял кожаную сумку. По дороге ему встретился молодой человек с биноклем на шее.

– Что это у тебя на шее висит? – спрашивает его Чора.

– Эта вещь называется турмал. Как бы далеко предмет ни находился, она показывает его на близком расстоянии, – ответил встречный.

– Дай-ка посмотрю, может быть, я найду свою кожаную сумку.

– Нет, теперь ты ничего не увидишь: вечер уже.

– Ха, днем бы я и без твоего турмала сумку нашел, – сказал Чора.

Перевод с чеченского А. Мальсагова

Проза

Исмаил АКАЕВ

УЗНИК

/Рассказ/

Посвящается Магомеду Осмаеву

Это было в конце второй чеченской войны. Ее горькое послевкусие ощущалось во всем, а порой вообще растворяло какую-либо надежду на будущее. Магомед тогда жил в Москве, однако тот мрак, окутавший его Родину, отражался и на его жизни. Именно в это сложное и непонятное время начала нулевых и произошла в жизни Магомеда одна встреча, которая навсегда врежется в его память и оставит в ней свой горький отпечаток. Совершенно неожиданно для себя в 2005 году Магомед оказался в далеком Белозерске Вологодской области, недалеко от полуострова Огненный, расположенного у озера Новое. Приятель Сергей предложил ему перспективное дело здесь, а именно – поднять работу консервного цеха по производству и реализации морепродуктов. Магомед с радостью согласился и тотчас же выехал вместе со своим другом Супьяном.

Это был холодный северный край. Мерзлый ветер пронимал до костей, а зима, казалось, так и будет кружить в своем вечном снегопаде. Магомед потихоньку привыкал к своему новому укладу жизни, а скучать не давала его новая сфера деятельности, которая уже за короткое время приносила свои плоды. Консервный цех зажил новой жизнью. Жители были бесконечно рады таким преобразованиям, ведь появилось столько рабочих мест, а Магомед с Супьяном трудились на своем новом поприще, не покладая рук.

Здесь же, недалеко от цеха Магомеда, нахо-

дилось и «Белая Лебедь». Такое поэтичное название имела исправительная колония особого режима для пожизненно заключенных. Она располагалась в бывшем Кирилло-Новоозерском монастыре. Магомед даже и предположить бы не мог, что совсем скоро ему придется увидеть эти серые стены, окруженные колючей проволокой.

Как-то раз его вызвали на улицу. Незнакомец протянул ему белый конверт с письмом.

– Я работаю тут на зоне. Это письмо меня просил передать ваш земляк-чеченец. Он отбывает пожизненное, – выдержав небольшую паузу, незнакомец добавил: – Помогите ему, пожалуйста, он самый несчастный из всех, кто находится на этой зоне.

Магомеду стало не по себе. Он молча взял конверт, зашел в цех и, найдя свободный уголок, сел и развернул конверт.

«Ассаламу Алайкум, дорогие братья. Салам-маршалла ду шуьга, сан вежарий! Меня зовут Жалавди. Я родом из Ачхой-Мартана. Новость о том, что сюда приехали чеченцы, вызвала во мне одновременно и боль, и несоизмеримо великую радость. В этом году исполнилось ровно 9 лет, как я не слышал чеченскую речь и нахожусь здесь совершенно один во всех смыслах этого слова. До начала первой войны по жестокой иронии судьбы я оказался в этих застенках, непреднамеренно убив человека. Не прошло и года после моего осуждения, как началась первая чеченская война. Я потерял связь с родными. После того, как началась вторая война, во мне окончательно умерла надежда, что

я когда-либо увижу или услышу своих родных, ведь неизвестно, выжили они в войну или нет. Я совсем не знаю, что происходит у меня дома, живы ли мои отец и мать. Знаю лишь одно, что эти жестокие войны яростным огнем прошлись по Чечне и, возможно, унесли жизни моих близких. Я очень сильно тоскую по Родине. Из всех заключенных тяжелее и горше отбывать наказание дается мне, но обратиться к вам меня заставили не только гнетущее одиночество и тоска по родной земле, но и острая нужда. Дорогие братья! Мне очень стыдно об этом говорить, но у меня нет даже элементарных вещей, нет сменного белья и теплых носков. Я единственный на всей зоне, кто не получает писем и передач. Чеченский дух, сидящий в крови каждого из нас, на протяжении этих девяти лет не позволял мне морально сломаться, но с каждым днем я чувствую, как сужается круг и силы покидают меня. Эта горькая неизвестность и боль разлуки съедают меня, а их тяжесть увеличивает и отсутствие у меня каких-либо средств. Мне больно осознавать, что на всей зоне я самый обездоленный и несчастный. Я даже предположить бы не мог, что в этом холодном, далеком от нашей Родины краю, рядом со мной поселятся жить и работать чеченцы. Эту радостную новость мне сообщили рядовые рабочие, которые всегда с большим сочувствием относятся ко мне. Кстати, замечу: на удивление, и начальство колонии всегда благосклонно ко мне. Наверное, они видят, что я здесь несу двойную кару. За решеткой физически страдает мое тело, а внутри разрывается на части душа. Эта тюрьма находится в бывшем монастыре, а заключенным морально и материально помогает христианский комитет. Видя мое положение, они предложили мне свою

помощь, однако лишь взамен на то, что я приму христианство. Это вызвало у меня горькую усмешку. Как я могу взамен на какие-то тряпки или лишний кусок хлеба отречься от того, что помогает мне продолжать жить? Вера в Аллаха – это единственное, что у меня осталось в этой жизни. Зная натуру нашего народа, зная, как мы ценим и дорожим друг другом, я обратился к вам. Если у вас нет возможности мне помочь, ничего страшного, но я надеюсь, что кто-то из вас сможет осчастливить меня хотя бы своим присутствием. Жажда родной речи, родного голоса и родных лиц мучает меня уже девять лет и, возможно, будет мучать всю оставшуюся жизнь. Хотя начальство обещало, что по истечении 25 лет за хорошее поведение меня могут выпустить на волю. Я молю Аллаха продлить мне годы, чтобы увидеть этот день. Я буду ждать от вас весточки. Пусть хранит вас Аллах. Дала Галашдойла шу, сан хьоме вежарий!

Письмо выпало из рук Магомеда и упало на холодный бетонный пол. К горлу подкатил горький ком, который растопили скупые мужские слезы, которые одна за другой скатились по его небритой щеке.

Он выскочил из помещения и быстро нашел Супьяна:

– Поехали! Срочно!

– Куда? Что случилось? – Супьян был удивлен потерянными видом Магомеда.

– По дороге расскажу, – ответил Магомед.

На следующий день они вернулись в цех с забитым до отказа багажником и салоном джипа. Теперь дело оставалось за малым – объяснить начальству колонии ситуацию и доставить всю эту провизию до Жалавди.

Подключив связи Сергея, Магомеду удалось добиться встречи с начальником колонии. Он

подошел и окинул взглядом набитый джип. А потом попросил документы Магомеда. Пролитав паспорт, он в недоумении посмотрел на Магомеда:

– Вы даже не однофамильцы, не говоря уже о том, что вы из разных мест родом. Что вас сподвигло приехать к нему? Он же вам никто.

– Чеченец не может быть никем для чеченца. Это во-первых! А во-вторых, этот человек обратился ко мне за помощью. И если бы ко мне вот так обратился любой из ваших заключенных, я бы немедленно приехал. Потому что чеченцы не бросают в беде ни своих, ни чужих.

Изумленный начальник колонии смог лишь промолвить одно:

– Позвольте мне позжать вам руку!

Разгружали джип несколько человек. Мясо, колбасные изделия, морепродукты, сладости, целые блоки дорогих сигарет, множество всего необходимого, начиная от средств личной гигиены и заканчивая одеждой – этих припасов бы хватило не только для одного Жалавди, но и всей колонии.

– Хотите увидеть его? – спросил начальник.

Магомед кивнул.

Спустя некоторое время его привели. Взору Магомеда предстал высокий, широкоплечий чеченец. Они тепло обнялись.

– Только на родном языке не разговаривайте, – попросил их начальник колонии.

Их разум слышал этот запрет, но слова, подобно потокам горной реки, срывались из их уст. И впервые за девять лет в этих холодных застенках Вологодской области Жалавди услышал чечен-

скую речь. Ему было 34 года. На момент осуждения Жалавди исполнилось 25 лет. В глазах Жалавди теплилась надежда, что по истечении 25 лет он сможет быть свободным. Они говорили недолго. Жалавди увели. Вся колония застыла в немом изумлении. Ни брат, ни родственник, ни одноклассник и не однофамилец, а просто чеченец. Какая-то незримая, необъяснимая связь этого народа друг с другом и раскрывает секрет его несломленности. В этом холодном тюремном одиночестве Жалавди знал, что любой чеченец сможет стать для него братом, и Магомед оправдал эти ожидания.

– Его точно выпустят по истечении двадцати пяти лет? – спросил Магомед начальника колонии.

– Нет. Эти двадцать пять лет легенда, которую мы придумали для него, чтобы он не терял смысла жизни. Был у нас случай с вашим земляком. Не смирившись с тем, что всю оставшуюся жизнь ему придется провести тут, он написал письмо матери с просьбой простить его и покончил собой.

Магомед долго смотрел вслед удаляющемуся Жалавди. «Интересно, как же сложится его дальнейшая жизнь, ведь сроки лишь те, что установил Аллах», – подумал он.

Через год Магомед уехал из этой области. Жизнь бросила его уже на другой край света, а потом в течение долгих лет он менял города и страны, но всегда хранил старое письмо Жалавди как напоминание себе того, что любой чеченец на этой земле родной брат, на чей зов ты должен непременно отозваться, несмотря ни на что.

Адам АХМАТУКАЕВ

Боль рубцуется на генах...

Я рос на воздетых к молитве руках материнских.
Я к сонму достойных мужчин у отца причастился.
Припевы, звучавшие в песнях моих колыбельных,
Молитвой меня берегли от юродства и скверны.

«Достойны дороги, что семь праотцов проложили,
Бесславны пути, что заветам отцов не служили!» –
Как гимн, эта песнь мне нашептана матерью с детства,
С той песней по жизни пройти завещал и отец мой.

Судьба меня не жалует, но жалит.
Да так, что боль рубцуется на генах.
Издrevле на истории скрижалях
Записан я как отрок «злых чеченов».

С таким клеймом, поруганный, пожил я,
Но на дорогу злобную не вышел,
Хотя и кровь, бурлящая по жилам,
Помечена была на градус выше.

У мира зла не спрашивал советов,
В миру грехов не совершал юродства,
Но чтил незыблемость отцов заветов
И к женщине святое благородство.

Я шел стезей чеченца – не чечена! –
И выживал, и смерть встречал с задором.
И, как в наследство, передам по генам
Чеченство джентльменского набора.

Благими рубцами напев ее сердце мне ранит,
Он к жизни зовет, вдохновляет меня он и манит.
И если смогу не упасть с материнских ладоней,
Оценит и мать, что я зваться мужчиной достоин.

Сын проживает в городе,
Мама живет в селе.
Мама взывает к Богу и
Сына зовет к себе.
Он у нее единственный,
Он у нее родной.
Только себе для жительства
Выбрал он быт городской.
Мама с тоскою изношенной
На людях делает вид,
Что она сыном не брошена,
Что она им дорожит.
Сын проживает в городе,
Мама в селе живет.

Мама пешком – до города,
Сын же – в село не идет.
Так и живет она, стойкая,
Только вот силы сдают...
Рядом стоит с ее койкою
Полный лекарствами стул.
Сын проживает в городе,
Мать доживает дни...
Скоро она похоронена
Будет чужими людьми.

«СКОРО Я ДОМОЙ ПРИЕДУ...»

*Памяти Магомеда Зелимханова,
погибшего в Афганистане*

1.

Последний сон знаменем явился...
Как раны исцеляющее средство,
Солдат искал село в нем, где родился,
И пыль дорог потерянного детства.
И игры по-над речкою Мартанкой,
Седой родник – свидетеля влюбленных.
И юных дней волнующие рамки,
Родителей и дом незавершенный...
И сон его прервался, словно не был,
И мыслям он предался, как гаданью.
А после: «Скоро я домой приеду», –
Отца в письме заверил обещаю.

2.

«Надежная моя опора», – молвил
И гордостью сиял отец солдата.
Невесту выбирала и безмолвно
На девушек заглядывалась нана.

Не знали, не гадали и не ждали,
Кто знал его и в нем души не чаял,
Что в их сердца и дом беда крадется
И что ее им вынести придется.

3.

В трусливом и обманчивом затишье,
Когда минуте даже нет доверья,
Но есть надежда на себя с излишком,
Случается, во что ты сам не веришь.
Прислушался. К реке спустился тихо.
Воды набрал для воинов-собратьев.
Но пуля, смерть несущая, настигла
От жажды изнемогшего солдата.
Теряя жизнь, не мнил он о мгновеньях,
От коих глаз не возгорится снова,
Но вспомнил сон, явившийся знаменем,
И то письмо, где дал отцу он слово.
Не знал он, не гадал он и не ждал он,
Что для того, кого любил и знал он,
Утратой он тяжелой обернется
И что ее им вынести придется.

4.

На кладбище, да в день недели пятый
Слова негромкие доносятся до слуха,
И звуки их здесь каждому понятны,
Хоть с комом в горле выдавлены сухо.
Седой отец скорбит у «груза двести»,
Утраты смысл душой не понимая,
И боль – когда слезинку перевесит –
На кончик носового принимая.
Ее сполна который раз изведав,
Он, как строку священного аята,
Читает: «Скоро я домой приеду», –
Письмо невозвращенного солдата.

Я знаком любовным отмечу пространство
меж нами,
Я, всю разложив, оценю и свою математику
И, взглядами тайными томно к тебе пробиваясь,
Мулле посоветую прочного брака грамматику.

Снежинки в танце кружат за окном
И, сказкой белой память возвращая,
Тревожат припорошенную боль
О том, что счастье нас не повенчало.
Ошибок наших чаши на весах,
Под грузом чувств нахлынувших волнуя,
Пойму, что грезы с ними не в ладах,
И сказку ту прискорбно прогоню я.
Но снова за застуженным окном
Снежинки в танце образ твой рисуют.
Чтоб ими сердце вновь не замело,
И мысли о тебе домой верну я.
И пусть порою в памяти ты мне
Являешься под знаками вопроса,
Тобою я давно перегорел,
И боль уже возмездия не просит.

Я послушаю. Ты говори.
Только ты говори не спеша.
Твою исповедь вновь пережить,
Видно, так порешила судьба.
Как бы ни было тяжело, она,
Моей памяти боль беребя,

И волнует, и радует кровь
Эта весть – что я вижу тебя.
В твоём образе дева одна
Мне явилась сквозь грезы годов.
Я воскресшую с нею печаль
Вызволяю из сердца оков.
И внимая ей, чувствую я
И еще не спешу осознать,
Что, чем ближе к концу ее, жаль,
Разбивается сердце опять.

С. А.

«А что есть жизнь?» – спросили у нее.
«Дороги же», – ответила негромко,
Держась за руку матери, девчонка.
Не ведала тогда она еще,
Что жизнь для парня смыслы все теряет,
Когда косу дорог их расплетают.

Внук сидит и деда нравам учит,
И к отцу сейчас он обратится:
«И тебе урок мой пригодится,
Стул неси и ноги зря не мучай!»
Таких советов горькими плодами
Когда-нибудь мы точно поперхнемся,
И к разуму с повинною вернемся...
Но будет поздно что-нибудь исправить.

Янина ДИКАЕВА

ГОЛОД И ДОСТОИНСТВО

/Рассказ/

...Словно мерцающая фата невесты, сизой дымкой опускался рассвет на вершину горы Терлой-Лам. Под звуки суровой природы просыпался маленький аул Бояра, расположенный чуть выше Итум-Кали. Он лежал на самом пике гор, будто зацепившись за отвесную скалу. Это был суровый край дикой, безграничной свободы, не раз испытанный судьбой и временем, однако, несмотря ни на что, жизнь здесь продолжала бурлить, подобно бирюзовым волнам Чанты-Аргуна...

В доме старого Таштемир-Хаджи раньше всех проснулся маленький Манц. Семилетний внук был больше всех привязан к престарелому деду. Таштемир-Хаджи слыл в селе не зажиточным, а скорее трудолюбивым человеком. Поднял на ноги семерых сыновей, построил своими руками дом, ухаживал за скотом. В этом году из-за хорошего приплода и отара овец увеличилась. Сельчане уважали старика за честность, трудолюбие. Таштемир-Хаджи всегда умел уладить споры, участвовал в примирении кровников. Маленький Манц гордился дедом и бывал безмерно рад, когда он брал его с собой по дрова или учил ухаживать за конем. Вот и сегодня Манц боялся проспать утро, чтобы успеть проводить деда, который с первыми лучами солнца должен был отправиться в соседнее село. Шел 1939 год. Сложное время переживали тогда горцы... Хотя, когда им было легко? Будто на роду чеченском написано – от испытания к испытанию, от старого горя к новому...

Словно весенняя погода, непостоянна власть в России. Любит она менять царей и цвета своих знамен, только врага никогда не меняет. Столетиями не зарастает узкая горная тропа, ведущая Россию к этому «врагу». А «враг-то» этот и верен ей был, и готов был встать на ее защиту...

Началась гражданская война, в которой вновь стала проливаться чеченская кровь. Стодневные деникинские бои, которые развернулись в центре Грозного, унесли жизни более тысячи чеченцев, также были сожжены дотла окрестные села. Большевики нуждались в чеченцах, как в своей основополагающей силе для установления советской власти на Кавказе, а чеченцы как раз надумали Горскую Республику создавать. Они не умели и не хотели жить под чьей-либо пятой, поэтому при любом стечении обстоятельств чеченцы вновь и вновь возвращались к этой основной народной идее, которую им не удастся никак осуществить уже на протяжении столетий. Большевики удачно воспользовались моментом и пообещали чеченцам и Горскую Республику, и свободу вероисповедания, и даже шариатское право. Вот и ринулись наивные чеченцы под предводительством молодого революционера Асланбека Шерипова воевать под красными знаменами страны Советов. И отвоевали ведь... не умеют же никогда проигрывать, только вот победные лавры им никогда не достаются. Такова ирония их непростой судьбы. Период Советской власти, за установление которой,

не жалея своих жизней, боролись чеченцы, стал, по сути, самым жестоким в истории чеченского народа. Именно этот политический строй умудрился не только успешно уничтожать чеченцев, но еще и унижить их, убивая в них генеалогическую память народа и веру в Бога, которые всегда были их основной силой и главным оружием. Идеологическая машина, запущенная властью Советов, стирала все на своем пути, а всеобщая коллективизация лишила чеченцев даже собственных земель, на которых они всю жизнь трудились. Все изменилось в один миг. Большевистский строй, лишенный какой-либо духовной основы, очень быстро забыл данное чеченцам обещание. Вера в Бога каралась, а лишняя овца в сарае становилась тяжким преступлением, за которое нужно было расплачиваться сибирскими лагерями. За один 1937 год было расстреляно около пятнадцати тысяч чеченцев и ингушей. В тот период была практически уничтожена основная часть интеллигенции и духовенства чеченского народа.

Именно тогда и услышит маленький Манц впервые в своей жизни слово «кулак», которое станет роковым для его большой семьи.

В то утро, которое совсем не предвещало беды, он проводил деда в соседнее село и выслушал от него кучу поручений, которые он с радостью бросился исполнять. Не покладая рук готов был трудиться Манц, лишь бы дед один раз по голове погладил. Эта теплая, большая ладонь будто от всего мира укрывала маленькую головку ребенка. От отца ласки и не дождешься, мать вечно занята. Вот и находил свой покой Манц рядом с престарелым дедом.

Прохладное утро быстро растаяло в теплых лучах солнечного дня. Осень наряжала золотом горные холмы, а лето все еще не жалело сво-

его зноя, будто не хотело покидать чеченские горы...

Весь день Манц был занят на поле с отцом Джамирзом и с нетерпением ждал вечера, чтобы повести на водопой дедовского коня. Не терпелось Манцу к реке Бьбра-Эхк. Там можно встретить сельчан, узнать новости из города.

– Говорят, Таштемира-Хаджи тоже записали в кулаки!

– Не может быть!

– Может, может! Мой дядя сам списки видел! Манц прислушался к детским голосам.

– Куда записали Воккха Даду?

– Кулак твой дед! – равнодушно бросил один из мальчишек!

– Мой дед никому ничего плохого не сделал! Его люди уважают! – слезы выступили на глазах Манца, который не понимал значения этого нового слова «кулак». Бросив коня у реки, мальчик что есть мочи побежал в сторону дома.

«Не может быть! Они что-то перепутали. Воккха Дада хороший. Сейчас Даде расскажу, и он обязательно разберется с этими списками!» – думал Манц, растирая бегущие по лицу слезы.

– Дада! Дада! – забежал он в дом.

– Что случилось? – удивился Джамирза, увидев растерянного сына.

– Сегодня на водопое слышал, как мальчишки говорили, что наш Воккха Дада кулак. Что такое кулак? Почему они называют его таким словом?

Железная ложка с грохотом упала об пол из рук Джамирзы. Он вышел, хлопнув дверь. Вернулся поздно. Глубокой ночью Манц, которому совсем не спалось, услышал, как отец разговаривал с матерью:

– Я уйду вместо него. Береги детей. Родня поможет тебе во всем. Не падай никогда духом.

Пройдет пару лет, и Манц вырастит, станет для тебя помощником. Нашего второго ребенка я не увижу. Постарайся воспитать их обоих достойно. Если суждено – вернусь...

Забанат не ответила. Манц услышал лишь глухие рыдания матери, которые раздавались в темной глубине осенней ночи...

Джамирза был младшим сыном Таштемир-Хаджи и, согласно чеченскому адату, жил вместе с родителями. Шестеро других сыновей Таштемир-Хаджи один за другим обзавелись семьями и поселились в низине – в предгорном селении Рошни-Чу, поэтому и выпала такая доля Джамирзе. Если бы братья были рядом, они бы не дали уйти вместо отца именно младшему сыну, который должен хранить тепло очага отчего дома.

На следующее утро вернулся Таштемир-Хаджи.

– Воккха Дада, а правду люди говорят, что ты кулак? Но я им не верю. Я знаю, что ты самый лучший, и хочу быть во всем похожим на тебя.

Таштемир-Хаджи ничего не ответил, лишь пристально вглядывался в сизую дымку, снова опустившуюся на вершину горы Терлой-Лам. А далеко-далеко, в синей вышине неба, плыли и плыли белые отары облаков. Манцу так хотелось взобраться на Терлой-Лам, а оттуда до неба лишь рукой подать. Сесть бы на радугу и пасти свои белые отары, так похожие на дедушкины, и никогда больше не слышать это страшное слово «кулак» и ночной разговор отца с матерью...

Этот день в их доме прошел необычайно тихо.

Манц видел, что с самого утра в их доме суетятся женщины, греют воду, достают чистое белье. С дальней комнаты доносились глухие

стоны матери. Манцу не разрешали к ней заходить. Где-то после полудня пришли «они», которые окружили весь их двор, и зачитали какой-то белый лист бумаги. Размахивая руками, что-то им в ответ объяснял Джамирза.

– Скот мой, овцы мои и земельный надел тоже мой! – выдал он в итоге. Они что-то записали в свой белый лист и грубо окликнули его:

– Выходи!

Тяжело дыша, опираясь на длинную трость, зашел во двор Таштемир-Хаджи. Еще издали он услышал знакомое блеяние своих овец. Будто чувствуя неладное, прижались они друг к другу, а неподалеку от них, недовольно мотая головой, стояла корова.

Старик все понял – младший сын Джамирза уходит вместо него в Сибирь.

Таштемир-Хаджи ничего не сказал, лишь успел взглянуть в бесстрашные глаза сына, в которых не было ни капельки отчаяния. Джамирза шел за солдатами, а чуть погодя ему вслед закричал младенец, чей пронзительный крик разлетелся над синей горой Терлой-Лам. Джамирза оглянулся на мгновение. «Сын или дочь? – пронеслось в его мыслях. – Не важно!» – улыбка озарила лицо мужчины, а в глазах будто читалось: не погаснуть никогда чеченским очагам, покуда крики новорожденных младенцев будут слышны в этих горах.

Таштемир-Хаджи зашел в дом.

– Внучка пришла к нам. Назвала ее Заза. – встретила его на пороге жена. Крупные капли слез застряли между морщинистыми складками на ее лице.

– Заза – это цветение. Не перестанут цвести сады в нашем краю, – задумался старик и с какой-то необъяснимо глубокой болью оглянулся назад, где стояла, переливаясь золотом

осени, его родная гора Терлой-Лам.

Маленькая Заза стала последним цветением в жизни Таштемир-Хаджи. Не дожил он до следующей весны. Слишком больно было смотреть в глаза маленьких внуков, которые остались без отца. Чувствовал старик, что больше не вернется Джамирза. Таштемир-Хаджи унесет с собой в могилу последний взгляд сына, обращенный к нему, и тот пронзительный крик новорожденной дочери сына, которая даже не успела увидеть образ родного отца. На следующий год вслед за Таштемир-Хаджи ушла в праведный мир и бабушка Манца. Все как-то стремительно быстро разворачивалось в жизни Манца. Время бурлило, бежало, словно река Бьра-Эхк весной в многоводье. Забант не захотела спуститься в Рошни-Чу к братьям Джамирзы. Она осталась в отчем доме мужа, сохраняя тепло его очага и в глубине своей наивной женской души все еще продолжая надеяться, что он вернется.

Росла маленькая Заза, такая же нежная и красивая, как первый цвет на молодых деревьях, растущих на склонах чеченских гор. Весны и зимы шли друг за другом и ничего не менялось в подножье величественной горы Терлой-Лам, пока не настала одна роковая зима – зима 1944 года. Советские солдаты заполнили аул Бьра – маленькое царство каменных башен. Горцы относились к ним с большим теплом и доверием, а вот сердце Манца подсказывало почему-то недоброе. Оно начинало очень сильно биться и kloкотать в его маленькой груди, потому что при виде этих солдат Манц вспоминал тот тревожный день, в неизвестность которого молча ушел его отец. Эти солдаты разговаривали так же, как и те, что зачитывали какую-то бумагу перед отцом, и они были очень сильно похожи на них. Не верил им Манц и даже боялся, хоть и не

хотел в этом признаваться матери. Последним снегом закружила зима в ауле Бьра. Среде этой белизны едва можно было разглядеть заснеженную шапку горы Терлой-Лам. Манцу всю ночь не спалось. Каким-то беспокойным настало и утро. Он вскочил ни свет ни заря и выбежал на улицу, где увидел много солдат. Кажется, за ночь их количество увеличилось. Также Манц увидел и сельчан, которые стояли, сбившись в разные кучки.

– Что происходит? – спросил он у знакомого мальчишки.

– Мужчин собирают всех! Праздник говорят, День Красной Армии. А ты сиди дома, мал еще! – ухмыльнулся подросток. А через несколько часов Манц вместе со всеми сельчанами шел вниз по горной тропе, подгоняемый холодными прикладами автоматов советских солдат. Он слышал усталые вздохи стариков и хныканье маленькой Зазы. Их всех доставили на железнодорожную станцию Грозного. Манц даже не успел толком разглядеть очертания города, который он видел впервые. Мальчик даже не понял, как оказался в битком набитом товарняке.

– Живее заходите! Место всем хватит! – орал энкаведешник.

– Тех, кто копошится – расстреливай сразу! Что ты с ними возишься? – ответил ему другой.

Манц боялся потерять мать и сестренку, поэтому ни за что не отпускал крепко сжатую руку матери, которая толчком пробивалась среди людей в вагон. Забант глазами искала родственников, надеясь увидеть хотя бы одного из братьев мужа. Ее надежды оказались напрасны. Равнинные уже давно тронулись в путь, когда горных только спускали, вот и разминулась Забант со своей родней. Поезд с грохотом сорвался вперед. Все дальше и дальше

уходили товарняки от Грозного, и сквозь расщелины досок скотского вагона перед глазами представляли чужие села и города. Манц не понимал, куда и зачем они едут, также как не понимал, куда ушел отец. Он уже никогда ни у кого ничего не спрашивал, потому что знал, что есть на свете вопросы, на которые не находил ответа даже мудрый Воккха Дада, ведь он так и не ответил ему, что означает слово «кулак».

Отдалялись от Грозного поезда, а Великая Победа была все ближе и ближе. Город, в котором был создан трудовой штаб Красной Армии, город, награжденный Орденом Красного знамени, город, подвергшийся десятидневным бомбардировкам немецкой авиации, но при этом не пустивший врага на свою землю, сегодня со своих платформ в холодную неизвестность судьбы провожал беззащитных стариков, женщин, детей, немощных и больных. Где-то под Сталинградом погиб Ханпаша, не отходя от своего пулемета, которым так безжалостно уничтожал фашистов, шел в одиночку в атаку, отстаивая Мелитополь, чеченский комбат Ирбайхан, освобождал советских военнопленных 245-й Чечено-Ингушский кавалерийский полк под командованием легендарного Мовлида, на своем танке Т-34 бесстрашно прорывался через все окружения фашистов чеченский Прометей в танковом шлеме Маташ, а маленький Манц, зажатый со всех сторон орущими от голода и холода детьми все сильнее вглядывался в тонкую расщелину досок скотского вагона, не переставая задаваться вопросом, куда и зачем они едут. Чуть погодя Манц увидит, как будут выкидывать тела на безымянных станциях, расположенных среди заснеженных степей Казахстана. И тогда в его голове возникнет уже другой вопрос: «За что?», на который ему, не за-

думываясь, ответят уже в пустынном Чимкенте, где он и окажется вместе с матерью и сестрой. А ответ будет коротким – враги народа!

Они остались здесь совершенно одни, будто на краю земного шара перед лицом своей безжалостной судьбы. В голодной полудреме перед глазами Манца проплывала сизая дымка, мерцающей фатой опускавшаяся на вершину горы Терлой-Лам, и те белые отары облаков, так сильно похожие на дедушкины отары, которые мирно паслись среди альпийских лугов горной Чечни. Улыбка озаряла посиневшее лицо мальчика, а потом он просыпался от стонов матери. Было уже несколько дней, как слегла Забант. Голод начал беспощадно косить людей. Силой оторванные со своих благодатных земель, чеченцы умирали с голоду, а перед глазами проплывали утопающие в зелени сады и бьющиеся из-под скал, чистые, как слезы, чеченские родники...

Манц узнал, что неподалеку открылась какая-то общественная столовая для сирот, куда дети могли прийти и поесть. В день каждому ребенку выдавали по одной ложечке густой кашицы из комбикорма. Манца и Зазу запустили в столовую. Тучная голубоглазая женщина по имени Марта – ссыльная эстонка – равнодушно плеснула им в чашки по одной ложке каши. Манц смотрел на эту кашу как на горсть чистого золота, которое само пришло ему в руки, да и блестела каша словно золотая.

– Вот так удача! Спасу теперь маму от голода! – думал Манц, уже представляя, как поднесет к ее засохшим губам ложку, с которой поднимались тонкие струйки пара, а вместе с ними и аромат, который больно обжигал ноющий от голода желудок.

Заза с большим удовольствием хотела схва-

титься за ложку, но Манц не позволил ей этого сделать. Глазами он дал ей понять, что нужно хватать чашку и быстрее бежать к маме. Дети не успели встать со своих мест, как их поймал острый взгляд повара. Манц посмотрел ей в глаза – такие же чистые и синие, как вершина горы Терлой-Лам. Он не знал ни русского, ни казахского языка. Не знал, как объяснить этой женщине, что мама, родная мама так жестоко умирает с голоду и так сильно нуждается в этой, отдающей на солнце золотыми бликами, кашнице.

– Ешьте здесь... ешьте, – выдавила она из себя какую-то мучительную улыбку и попыталась усадить детей за стол.

Манц и Заза начали мотать головой, а в их больших печальных глазах одновременно за сверкали озера слез.

– Нана! – наконец сказал Манц, жестами пытаясь объяснить женщине, что им нужно вынести чашки.

– Нана! Нана! – вторила за ним маленькая Заза, крепко ухватившись за чашку с кашей.

– Нельзя ничего выносить! – строго прикрикнула на них Марта и, погрозив пальцем, отошла. Повар уже забыла про детей, пока, собирая со столов грязную посуду, не наткнулась на две чашки с кашей, которые не были тронуты. Повар удивилась. Будучи матерью, ей стало как-то не по себе, что двое малолетних детей ушли голодными. А Манц не мог есть, зная, что слегла от голода мать. Каждую ночь в его ушах набатом звенел голос отца: «Через пару лет вырастит Манц, станет для тебя помощником...» – «Вот вернется отец. Что я ему скажу-то? Что не уберег мать от голода, а сам сытый ходил?» – думал Манц. Тяжким грузом лежала на маленьких плечах Манца ответствен-

ность за мать и сестру. Нет отца рядом, дяди тоже неизвестно где, Воккха Дада умер. Вот и остался он, единственный добытчик и защитник в этом чужом краю.

Манц и Заза провели всю ночь у изголовья матери, смачивая грязной дождевой водой ее засохшие губы.

В обед следующего дня они снова пошли в столовую и снова с глубокой надеждой смотрели в чистые, как небо, глаза ссыльной эстонки. Марта снова поставила перед ними две чашки, а дети снова ухватились за них своими дрожащими ручонками и повторяли незнакомое для Марты, и поистине святое для этих детей короткое слово «нана». Манц указывал эстонке на дверь, пытаясь объяснить ей, что очень нужно унести эту чашку для наны, а маленькая Заза хваталась за платье Марты, умоляя ее о чем-то на своем языке.

Манц и Заза снова ушли голодные, не дотронувшись до кашицы. На третий день Марта не выдержала. Ее охватило странное чувство. Она никак не могла выкинуть из своей головы этих детей с большими испуганными глазами, не похожих ни на славян, ни на азиатов, а в ее ушах каждый день звучало это странное слово «нана», произнося которое они пытались вынести чашки с едой. Марта знала, что она не может им разрешить этого сделать, ведь если узнают, ей на долгие годы светят советские лагеря.

«Но почему эти дети не едят здесь? Я смогла бы даже положить им чуть больше нормы. Почему они повторяют это слово и уходят уже третий день подряд голодными?» – вертелось в ее голове. В тот вечер Марта узнала, кто по нации ссыльные, которых разместили здесь неподалеку. Завершив свой рабочий день, она решила идти по той дороге, где могла бы

встретить кого-либо из них. Марта сразу же наткнулась на худощавого старика с болезненно-бледным лицом.

– Вы чеченец? – спросила она.

Тот молча кивнул головой.

– Что означает слово «нана»? – тихо спросила Марта.

– Мать! – глухо произнес старик и поднял на нее свои мокрые глаза.

Марту обдало жаром, а сердце так больно заныло в груди. Она поняла, что дети уходят голодными, потому что не могут накормить мать, но при этом не едят и сами. Марта была поражена их поступком. Откуда столько достоинства, ответственности, чувства долга и любви в таких маленьких тельцах, дрожащих от голода и холода?

В то утро Марта особенно сильно хотела их увидеть. Она сразу узнала их среди толпы детей. Манц и Заза сидели за столом, а перед ними вновь стояли чашки с кашей, до которых они опять не дотронулись. Дети снова вскочили. Их взгляды встретились. Чистые, как небо, глаза Марты сегодня сверкали особенно ярко, и чтобы прочитать то, что в них написано, Манцу не обязательно нужно было знать русский язык. Он опять схватил чашку, надеясь, что хотя бы на этот раз женщина поймет его, но Марта отняла у него чашку и поставила на стол, а сама, незаметно для всех нагнувшись к нему, тихо сказала:

– Нана! – и едва заметно указала глазами на окно, через которое и виднелось то самое дерево, под которое она спрятала чашку. – Для наны там, а вы ешьте! – сказала она детям.

Манц все понял и до боли сжал руку сестренки. Быстро доев свою порцию, дети, что есть мочи побежали в сторону указанного места.

Оказывается, в то утро Марта пришла на работу раньше всех. Она знала, что, возможно, этим вечером может запросто попасться в грязные руки энкаведешников, если кто-либо заподозрит ее и донесет, однако удача оказалась на ее стороне. Марта осторожно положила под дерево железную чашку с кашей, тщательно засыпав ее мусором, прелой листвой и запоздалым, не успевшим еще оттаять снегом.

– Нана! Нана! Это еда, проснись, нана! – тормошил Манц Забант, держа в одной руке железную чашку с кашей. Забант своей исхудавшей рукой отвела чашку и отвернулась к стене:

– Сами ешьте... сами.

– Мы поели, нана. Женщина с синими глазами накормила нас, нана, и тебе оставила, слышишь? – захлебывался в слезах Манц, до сих пор не веря тому, что ему удалось раздобыть еду для матери.

А женщина с синими глазами, ссыльная эстонка каждое утро откладывала по одной чашке каши для наны... Благодаря гражданскому мужеству и великому сердцу Марты, мать Манца и Зазы Забант через некоторое время встала на ноги и пошла на работу. Вот так и удалось семье Манца выкарабкаться из той бездны, куда они совершенно безвинно были закинуты жестокой властью Советов.

Шли годы, и Манц вырос крепким парнем – хорошей защитой для матери и сестры. Он сумел найти братьев отца, наладить связи с родственниками, а совсем скоро настала и оттепель – в прямом и переносном смысле этого слова. Тиран завершил свой жизненный путь, и пали железные оковы его деспотизма. Чеченцы взяли свой курс на Кавказ, к осиротевшим горам, к обломкам полуразрушенных башен и

мечетей, к разбитым могильным плитам...

Манц вернулся на Родину зрелым мужчиной. Казалось бы, все самое страшное позади, однако Манца, взрослого Манца также продолжали мучать те вопросы, которые он сам себе задавал в свое жестокое детство – что такое кулак? Куда ушел отец? За что нас выслали?

Чем быстрее бежало время, тем сильнее он чувствовал боль за отца, будто эти острые камни, отлетающие от бега времени, вонзаются ему прямо в сердце. Манц упорно писал письма, на которые никогда не приходили ответы. В начале 80-х Манц решил обратиться в Архивное управление ЧИАССР, однако ему запретили даже переступить порог этого заведения. Манц метался, будто загнанный зверь, а потом он сделал шаг к решительным действиям. Договорившись со сторожем, Манц ночью через окно влез в Архивное управление и начал со стреми-

тельной скоростью листать папку с бумагами, на которой было написано «Раскулаченные».

«1939 г. расстрелян», – прочитал Манц после имени отца. Он быстро положил бумаги на место и вышел, поблагодарив сторожа.

И снова перед глазами встал тот вечер – прозрачные волны реки Бюбра-Эхк, куда он привел на водопой коня, голос соседского мальчишки – «Твой дед кулак», ночной шепот отца – «Я уйду вместо него», и синие глаза эстонки, спасшей от голодной смерти их мать. Манц так и не понял, что за преступление совершил его дед Таштемир-Хаджи, за которое ценой своей жизни пришлось расплачиваться сыну. Он не понял, за что умирал с голоду его народ среди заснеженных степей и пустынных барханов Казахстана. На эти вопросы Манц так и не нашел ответа, а вопросов этих с каждой эпохой у его народа накапливалось все больше и больше...

Ли́ра

Ибрагим ДЖАБИРОВ

Родился в 1946 году в городе Лениногорске (ныне г. Риддер) Восточно-Казахстанской области в семье служащего. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, заслуженный журналист Чеченской Республики. В 1966 году окончил механический факультет Грозненского нефтяного техникума по специальности «Оборудование нефтегазоперерабатывающих и химических заводов», затем, в 1976 году, Ростовский госуниверситет, заочное отделение факультета журналистики. Журналистика становится его основной профессией. За годы работы на телевидении стал лауреатом Всесоюзного и республиканского конкурсов, создал около 15 авторских документальных фильмов, успел сняться в заглавной роли в телевизионном художественном фильме «Партизаны». В 1976, 1978, 1982 годах в сборниках: «Голоса молодых», «Утренние голоса», «Путь, который мы выбираем» вышли в свет его литературные произведения. Периодически публикуется в республиканской печати.

НЕМЕРКНУЩАЯ СЛАВА

Призывный звук трубы,
Аукнув в Мальмезоне,
Позвал в атаку полк
Днестровских казаков,
Великий Бонапарт
Еще сидел на троне,
Чеченский на Париж
Повел своих орлов.

Наметом подходя
К французской деревушке,
Им посланный отряд
Рванул к Мармону в тыл,
И завязался бой,
Вступили в дело пушки,
А эскадрон улан «атаку» протрубил.

Оставив позади резерв у переправы,
Чеченский поспешил

На помощь егерям,
И сшиблись на скаку
Две ярых в злобе лавы,
И рушились тела от сабель пополам.

Надсадный храп коней
С лихим казацким криком
Смешались с свистом пуль
И грохотом мортир,
По центру на редут французский
В скачке с гиком
Заводит Бугский полк
Казачий командир.

Французский капитан
Ахтырского гусара
Не раз уже видал
В сражениях больших,
– Теперь он не уйдет,
Здесь гвардия недаром,
Подумал кирасир из армии Груши.

Шел долго встречный бой,
Француз следил за ходом,
Зазубренный палаш
Чеченского стрелой
Взвивался в массе тел,
Кроша все мимоходом,
И продолжал врубаться
Дальше в синий строй.

Французский эскадрон,
Как дым растаял в сече,
Но кирасирский полк
Еще держал редут,
Их капитан-храбрец
Рванул к нему навстречу,
Прорвал уже кольцо,
Но пал сраженный тут.

К обеду кончен бал,
Устлав телами балку,
Французы отошли.
Чеченский дал «отбой»,
И выбравшись с трудом
Из этой страшной свалки,
Повел остаток войск
К плацдарму за рекой.

Поникли колоски
В кровавой жиже вязкой,
Увечных понесли в палатки к лекарям,
Погибших отвезли в поля
К могилам братским,
По ходу дали корм уставшим лошадям.

Бойцы поприлегли
У костерков бивачных,
Чеченский обходил притихших казаков,
Садился, брал чубук,
Курил с затяжкой смачно,
Благодарил, хвалил испытанных орлов.

Задумчиво глядел в огонь
Бесстрашный воин,
Немало повидал он на веку своем
Больших и малых войн,
В которых удостоен
Судьбою первым быть
Со вскинутым клинком.

И разных мыслей тут
Клубок неспешным кругом
Витал бы долго в нем,
Но помешал вдруг шум,
Возникший где-то там,
За внешним караулом,
Он оторвал его от этих грустных дум.

То бекетов-майор
С пакетом витгенштейна,
К казацкому костру
Подъехал в поздний час
И крикнул на ходу:
«Налейте жбан рейнвейна!
Есть новость, господа,
Преважная для вас!
Наш славный государь
Приказом накануне
Вступления его в блистательный париж
Чеченского возвел в полковники отныне,
Тем самым он поднял
В войсках и наш престиж!

Благоволение тем не кончилось герою:
Российский царь еще вдобавок повелел,
С лейб-гвардии полком гусарским
Перед строем
В версале завтра он
Чтоб рядом с ним блестел!»

От этих слов в груди
Забилось сердце тихо,

Неистовый гусар задумался о том,
Как на дела водил свои полки он лихо
Под жаркий аустерлиц
И бородинский гром.

И вспомнилось опять кутузова объятье,
Как братски чуток был
К нему багратион,
Как с ходу дрезден взял
С одной казачьей ратью,
Перехитрив тогда французский гарнизон.

И в золотом его оружии «за храбрость»,
Которое тогда фельдмаршал
Сам вручал,
Была передана державы благодарность
К тому, кто ее честь
Отважно защищал.

Он вспоминал их всех,
Кто шел всегда с ним рядом,
Своих друзей, врагов,
Начальников, бойцов,
Денис давыдов был его
Любимым братом,
Своим был в стане он и
Кульневских орлов.

Чеченский понимал
И груз забот баркляя,
Раевского к себе отеческую боль,
Знал настоящий вес ермоловского ляя,
И понимал, на что способен
«Гений» толь.
А утром был париж,
Под триумфальной аркой
Проследовал кортеж российского царя,
И рядом александр
Средь генералов ярких,

И на груди его все ордена горят...
И в двадцать пятый год
На площади сенатской
Он снова на коне и рядом царь другой,
Но рыцарский клинок
Не стал он кровью братской
По-рабски обагрять в угоду власти той.

Безумно храбрым был
И честным человеком,
Не зря его дела во славу зачтены,
Отважный генерал,
Отмеченный тем веком,
Великий воин – сын россии и чечни.

Ушли во глубь веков
Грома былых сражений,
В курганах мирно спят
Бойцы дружины бравой,
Но что осталось нам от их
Былых сражений?
И вам ответит эхо:
«Слава! Слава! Слава!»

НА СОПКАХ МАНЬЧЖУРИИ

...И так сладко рядить победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.
(Н.С. Гумилев «Наступление»)

На сопках Маньчжурии спит тишина,
Окопы забились травой.
В историю Пятого года война
Вписалась печальной строкою.

То Дальний Восток, то другая страна,
И люди другие в ней жили...

Там был Порт-Артур и эскадра была,
Матросы исправно служили...

И с внешнего рейда при минных полях
Макаров грозил самураям,
Но вскоре погиб в океанских волнах,
Оставив защитников края.

С тех желтых от Пятого года листков,
Что славу потомкам хранили,
По мягкой ковчиге сквозь толщу веков
Забытые вальсы поплыли.

В пронзительной грусти мелодии той
Я снова листаю бывшее
И слышу раскаты «Ура!» за горой
И частое: «Братцы, за мною!»

Февраль. Под Мукденом японцы теснят
Все главные русские силы,
Начальник отряда простудой взят...
И в шаге всего от могилы.

Летит с телеграфа главкома запрос:
«Кому поручить оборону?»
В ответ император – к вопросу вопрос:
«Кто больше наносит урону?»

Кто смелостью дерзок, смекалист умом,
Того и назначьте главою.
Обратно ни шагу, на выступе том
И взять Цинхэчэнь затем с бою!»

Главком и не думал кого-то искать
На место хворавшего Экка.
Решили Алиеву войско отдать,
Ведь нет здесь храбрее человека.

Наутро японцы в атаку пошли,
По многому, большею силой,
Вовсю артиллерия с сопки палит,
Штурмующих с выступа смыло.

Алиев с биноклем и саблей в руке
Команду дает на ответный
Рывок, чтобы сбросить японцев к реке
И следом занять их люнеты.

Атака отбита и враг отошел,
К пушкам подвозят снаряды,
Алиев смеется: «Наш завтрак ушел,
Что ж, будем обеду хоть рады.

Солдат перед боем, приказ мой,
Взбодрить
Куревом, хлебом и водкой.
Мортиры картечными все зарядить
И шпарить прямою наводкой!»

Едва лишь по стопке успев пропустить,
Прильнули алиевцы к ружьям,
Девять атак самураев отбить!..
А дело все хуже и хуже...

В десятой атаке японский «банзай»
Уж слышен был в наших окопах,
Алиева кровью налились глаза,
Еще промедленье и... промах...

«А ну, канониры, по балкам в обход!
Поставьте во фланги им пушки,
А я поведу в лобовой один взвод,
Саперов держите на мушках!..»

В двенадцатый раз уж потеха пошла
Валились под залпами роты,
Остра генеральская шашка была,
Она не боялась работы.

Упрямство и воля, и сердце-кремень,
Вели генерала-чеченца,
Врага заставляя по много раз в день
Выделывать в страхе коленца.

Плацдарм отстояли и с сопок пошли
Навстречу войскам Кондратенко,
Самсонов уже показался вдали,
К победе пошло помаленьку.

Сошлись генералы – герои войны:
Белый, Алиев, Самсонов,
Знамена отчизны в боях спасены,
Хотя не прошло без уронов.

Царю доложили итоги боев,
Алиев представлен к «Андрею»,

Но в Ставке руками завистников-псов
На «Невского» стерли скорее...

Вручая по рангу сей орден второй,
Сказал государь о герое:
«Вот полководец быть должен какой!
Из стали и кремня он скроен!»

А после и в Первой уже мировой,
Затем и в боях на Гражданской
За то, что был верен присяге святой
Погублен был властью он хамской.

Когда я заслышу тот трепетный вальс,
Да будь ему многая лета,
Алиев встает предо мною в тот час
На белом коне, в эполетах.

И снова он мчится к победам вперед,
По краю великой державы.
Хоть время жестоко, но память живет
О том, кто повенчан со Славой.

Ли́ра

Аслан ДЖАБРАИЛОВ

Аслан Джабраилов родился в 1979 году в Грозном. Окончил ЧГПИ в 2002 году, преподает английский язык в ЧУПО Экономико-правовом колледже и ГБПОУ Грозненском педагогическом колледже. Стихи пишет с 15 лет. Любит творчество таких русских и чеченских поэтов, как А.С. Пушкин, С.А. Есенин, У.Д. Яричев, М.Б. Гешаев; из зарубежных классиков предпочтение отдает Джорджу Байрону, Уильяму Шекспиру. Пробует свои силы в написании рассказов, сказок и коротких историй. Периодически публикуется в литературно-художественном журнале «Вайнах» с 2017 года.

СИМФОНИЯ ДОЖДЯ

Под окнами домов,
По крышам и проулкам,
В тиши ночной, навзрыд,
Льет дождик проливной.
И быстрым шагом прочь
(Взамен лихой прогулки)
И стар и млад спешит
Пробежками домой –
Чтоб позже, из окна,
За теплой чашкой чая,
Смотреть, глаза раскрыв
В квартирной духоте:
Симфония дождя
Царит, не докучает,
Смывая пыль дорог
В гнетущей суете.

ЗАСТОЙ

Ни дня без строчки... Слыхано ль такое?
Какой же надо рифмой обладать,
Чтоб вдохновенью не давать покоя
И каждый день хоть что-то написать.

НОСТАЛЬГИЯ

Помню как сейчас школьную ту пору.
Дни, когда кипела и бурлила кровь.
Красочной палитрой жизнь промчалась вскоре,
Стали мы взрослее, но нас тянет вновь

В шумный город детства, где растут каштаны,
И качели также жалобно скрипят,
Во дворах с утра толпы мальчуганов
Без забот играют, весело галдят.

Близкий и далекий наш оазис счастья
Подмигнет лукаво и исчезнет вдруг,
Легким дуновением, дождичком контрастным,
Эхом отдавая: «Помни меня друг...»

КРИТИК

Я, право, критик из другого теста –
 Простые истины мне ближе и милей.
 Я не приемлю рамки и протесты –
 Одно другому рознь и параллель.

МАСТЕРАМ

Увенчаны нимбом, изыском культуры,
 Дыханья земного, природы чтецы.
 На кончике кисти, эскизом гравюры,
 В граните и мраморе стати творцы.

КАРЬЕРИСТ

Идёт по жизни он упрямо.
 Ему не ведом стыд и страх.
 Любая цель – сперва реклама,
 А следом и успех в делах.

Быть может путь его не лёгок,
 И для кого-то слишком крут.
 Нельзя судить его так строго,
 Ведь он стремится вверх из пут.

Во все века делами в гору
 Не всякий может прихвастнуть.
 Простому смертному бесспорно
 Дан выбор плыть или тонуть.

СОН

Щекочет утро ранними лучами.
 Я как младенец сладостно лежу.
 Реальность замаячит вверх ногами,
 Я сном ее опять приворожу.

ТУМАН

Окутан серой дымкой город,
 Вороны каркают кругом.
 На улицах не слышен шум моторов...
 Тоскливо, слепо за окном.

За колесом вздыхает колесо,
 И вскоре за полисом скроется
 Полис,
 И пыль обжигает младенцу лицо,
 Сорвавшись в глагольную высь
 Колоколец.

Угроза сменяется платьем угрозы:
 За метаморфозою –
 Метаморфоза...
 И, ей отдаваясь легко на поруки,
 К младенцу тяну, искалеченный,
 Руки.

ОТРЕЗОК

Пронзительный крик, в кулачки сжаты руки,
 Младенческий лик, материнские муки.
 Шагов первых радость и ночи без сна,
 Конфет море в сладость и двор допоздна.

Портфель и уроки, одиннадцать лет.
 Экзамены в сроки, в глазах ярче свет.
 Энергия, страсти и глупостей шквал,
 Семейное счастье, рабочий аврал.

Дом полный уюта, вагага детей,
 Проблемы, заботы, гибель близких людей.
 Боль, старость, завет и предсмертные муки,
 Последний рассвет и разжатые руки.

ЧАС ПИК

День с утра, как назло, не задался мне сразу,
Пульс тревожную дробь отбивает в висках.
Сотни мимик в единую слились гримасу,
В унисон и работа, и прочерк в делах.

ОТЦУ

Ослабший временем бед и лишений,
Твой взгляд все так же одинок.
Без ропота и сожалений
Ты прожил на земле свой срок.
Оставил ты простой урок
Для будущих поколений.
Собой ты жертвовал, как мог –
Своим примером, наставлением.

С тобой все тяжкие невзгоды
Вдаль уходили без следа.
Ты был нам солнечной погодой
И теплым кровом в холода,

Но разрывая криком в клочья,
Нависла в доме тишина.
Стал день подобен черной ночи,
Оборвалась в душе струна.

Смерть разлучила нас, навеки
Опустошив семейный быт.
И мир вдруг замер в быстром беге,
И все рыдает и скорбит.

Но время не спешит, не лечит,
Вновь болью бередя сердца.
Обрел он своей смертью вечность
У всемогущего творца.

И будет, но уже на фото,
Смотреть на нас отцовский взор,
Как будто одобряя что-то
Иль негодую нам в укор.

И лишь во сне вдруг, на мгновение
Он явится, чтоб дать совет.
И дай аллах ему прощения
И рая благодатный свет.

РОДИТЕЛЯМ

В водовороте быстротечных будней,
Корить себя мы будем без конца.
За черствость и беспечность
К близким людям,
За мать родную и отца.

И пусть родительское счастье
Для вас пройдет без слез и бед.
Пусть обойдут ваш дом ненастья,
Здоровья вам и долгих лет.

АВЛИЯ

Открыв свои сердца Творцу миров,
И бранный мир оставив без оглядки,
Коран и Сунну вместо лишних слов,
Вы предпочли земному беспорядку.

Гоненья, голод, бремя смутных дней
Прошли вы, страх не ведая, с печалью,
Вселяя праведность в сердца людей
Своим ученьем мудрым и моралью.

Был путь ваш тяжек, век суров,
Но дух не слаб веленьем свыше.
И зикром призывая вновь и вновь
Вам внемлил наш Господь Всевышний.

И все пройдя, несчастья и лишенья,
Потомкам пронесли вы свет Ислама.
И дай Аллах, нам вашей веры и терпенья,
Благого нрава, кроткости, Имана.

АГОНИЯ СЛАВЫ

Дел несметных туман,
Бег за быстрой наживой,
Вероломный обман,
Дух надежды фальшивый.

Запах, хруст и цена,
Вес, возможность и время...
Узы, кровь и стена,
Долг, терзания и бремя.

Череда неудач,
Взлеты и гонорары,
Смех, безудержный плач,
Тишина и фанфары.

Седина на висках,
Завещанье и память,
Чистый лист, легкий страх
И искрящее пламя.

Деньги, грех и соблазн,
Грезы вечного счастья,
Бред немислимых фраз –
Жизнь, сожженная страстью.

ИСХОД

Придет тот миг, когда, смеркаясь, день
Покажется мне невозможной пыткой,
И тяжесть век от прожитых потерь
Застрянет комом в горле, как улитка.

Финал огнеупорного пути
Предстанет предо мной в своем обличии,
Однако не хотелось б мне уйти
От травли или чувства безразличия.

Я не корю судьбу, жизнь такова,
всему в ней было место равномерно.
Всех, кто был дорог сердцу моему,
глазами напоследок обнимая,

Частичку от себя я отниму,
И для живых оставлю умирая.
И свой исход я обращаю в мольбу
К Тому, Чья милость велика безмерно.

ЛАБИРИНТЫ

В закоулках сознания сквозь штормы иллюзий,
По извилинам разума в хаотичной гряде,
Мчится, взяв под уздцы мыслей пригоршню
грузных,
Моя брэнная сущность в кислотной среде.

Бьюсь я словно прибой о прибрежные скалы,
Ураганом сомнений, сметая следы за собой.
По просторам абсурда с открытым забралом,
В лабиринтах блуждая, как вечный изгой.

ОТСРОЧКА

Мне выпал шанс один на миллион –
Как реверанс в мой адрес, как поклон.
Повременить ли мне с такой напастью?
Иль разделить на крохотные части?

Смогу ли стать я тем, кем был однажды?
Не растеряв себя от славы или стражды?
Мне стоит взвесить всё и оценить масштабы,
Чтоб не было в душе сомнений... если б... кабы...

Драматургия

Асет ХАЛИКОВА

Предательством оборванное родство

/Драма/

Действующие лица:

Иса – отец;	Хава – свекровь Халимат;
Залпа – его супруга;	Халид – брат Залпы;
Халимат – дочь;	Адам – друг Исы;
Решед – двоюродный брат Исы;	Ризван – друг Исы;
Бетарх – свекр Халимат;	Баянт – соседка Хавы.

Действие первое

Небольшое селение. 1939 год. Вечер. Иса возится во дворе. Доносится бляение овец, мычание коровы. Иса разговаривает сам с собой: «Эх, отец! Как бы ты радовался этой весне! Ты всегда говорил: «Я однажды покину этот мир, но буду возвращаться с каждой весной!» Теперь я догадываюсь, почему ты так говорил. Это была твоя любовь к весне. Ты ушел, но навсегда остался в моем сердце. Когда скончались твои родители, ты стал доброжелательнее ко мне относиться. Вот этот дом и двор, что ты оставил, тоже похожи на тебя, они имеют твой характер. Ты бы так радовался этому маленькому гостю! Ты бы его нарек именем и одел бы белую шапку. А я бы, смущаясь, на радостях прятался от тебя. Но тебя сегодня нет со мной, мой отец. Когда мой сын подрастет, я ему буду рассказывать о тебе. Нареку его твоим именем. Мы с ним обязательно поедем в горы. Покажу ему ту сливу, которую ты посадил, покажу дом отцов. Он будет знать, где и как ты жил. Уверен, он будет с честью носить твое имя и не осрамит его. Главное в жизни мужчины – имя. Имя нужно свято беречь. Это самое ценное, что ты нам оставил».

Во двор заходят Ризван и Адам.

Р и з в а н: Ассаламу алейкум! Пусть твоя работа будет во благо!

И с а: Ва алейкум ассалам! Добро пожаловать! Рассказывайте, что нового? Какие новости?

А д а м: Да нормально поживаем. Ты как? Справляешься?

И с а: Да что тут такого, с чем можно было бы не справиться?

Р и з в а н: Не надо теперь его томить, скажи ему.

А д а м: Что я должен ему сказать? Ты за что-то переживаешь, Иса?

И с а: Такое ощущение, что вы ходите вокруг да около.

А д а м: К тебе что, просто так в гости нельзя зайти? Такое ощущение, что с тобой что-то произошло.

Р и з в а н: Ага! До сих пор таким любопытным я тебя не видел. С чего бы это?

И с а: Ну все, хватит! Вы что-то скрываете от меня. Рассказывайте теперь.

А д а м: Ха-ха-ха! Говорят, у Ахлуги корова потерялась. Ты, наверное, про эту новость?

И с а: Ага, про эту. Нашлась она? Они, случайно, не просят меня поспособствовать в ее поисках?

Р и з в а н: Теперь наверняка не узнаем, что с ней стало. Воры давно с нею разобрались, небось.

А д а м: Подумаешь, корова! Если нормально проголодаться, то на одну трапезу ее как раз хватит.

И с а: Да мне их не жалко. Ты говоришь корова, даже если весь их род сгинет.

Р и з в а н: Ты Ахлугу имеешь в виду? Они, кажется, перешли тебе дорогу, так жестоко ты их хочешь наказать.

И с а: А чему ты так удивляешься? Вон у людей поспрашивай. Ты что, не в курсе?

Р и з в а н: Ни от кого не слышал плохое о них, кроме тебя. Расскажи нам тоже, мы тоже хотим знать. Как говорится, осведомлен – значит вооружен.

И с а: От своих седьмых предков они уже прославились доносами и клеветой.

Р и з в а н: Впервые слышу.

И с а: Да ладно тебе, если бы они не были заодно с властью, то их давно выселили бы с этого села. Но придет время – они ответят за содеянное.

А д а м: Иса, мы пришли к тебе с радостным известием. Не будем говорить о посторонних вещах. Моя жена шла сюда, чтоб сообщить тебе эту радостную новость, но я ее остановил и решил вместе с Ризваном прийти и поздравить тебя с рождением дочери. Ты хотел, чтоб у дома была кровля, а вышел пол. Коль Аллах дал пол, то непременно и кровлю даст. Пусть твоя дочка живет долго и будет сестрой семерых братьев.

Иса (*едва сдерживая улыбку радости*): Давайте зайдём в дом, попьём чай.

Р и з в а н: Нет, мы пока заходить не будем. Мы придем к вам в гости, когда семья будет в полном сборе.

И с а: У меня был один баран, отведенный для особого случая. За эту новость подарю вам каждому по одному барану.

А д а м: Ни в коем случае. Мы специально пришли сами, чтоб тебе не пришлось утруждать себя этими подарками. Это у нас обычно женщины требуют вознаграждение за радостные известия.

И с а: Прошу не нарушать мое намерение. Я уже решил!

А д а м: Обычно за девочку дают небольшое вознаграждение, а ты желаешь за свою дочь вознаграждение, равное рождению двух сыновей. Пусть она растет достойной и умной девочкой!

Р и з в а н: Амин! Мы же не из-за вознаграждения решили прийти.

И с а: Я знаю, но тем не менее я настаиваю. Пусть эти бараны будут вам во благо!

Р и з в а н: Пусть эта жертва защитит тебя от всего плохого!

И с а: Амин! Да будет вами доволен Аллах!

Р и з в а н: Ладно, мы пойдем.

И с а: Никуда не пойдете, пока не попьем чай! Проходите в дом. Я настаиваю. *(заходят в дом)*.

Действие второе

Иса сидит, обедает, Залпа его обслуживает.

З а л п а: Чай налить?

И с а: Да. Наливай.

З а л п а: Сегодня в селе говорят, что ты с сыном Солты, Адамом подрался. Это правда?

И с а: Кто тебе это сказал?

З а л п а: Люди говорят. Об этом знают все, не только я.

И с а: Да, подрался. Там разве есть с кем подраться? Доносчиком работал. Из-за него столько людей пострадало.

З а л п а: Зная все это, люди его не трогают. От того, что ты скажешь, он не остановится. Люди сплетничают, что ты говорил про их украденную корову.

И с а: Того, кто это сказал, я порву! Да чтоб он сдох! А я ему еще барана подарил.

З а л п а: Ты про Адама?

И с а: Нет. Адам хороший парень, вот только привел с собой эту трусливую кошку.

З а л п а: Но ты не угомонился, честное слово. Это такое время.

И с а: Прекращай свои разговоры! Налей-ка мне еще чаю.

Залпа наливает мужу чай. В колыбельке просыпается ребенок, начинает плакать. Залпа успокаивает дочку.

З а л п а: Успокойся. Спи, спи.

И с а: Красивая будет.

З а л п а: Как мать, верно?

И с а: Красивых, знаешь, как много!

З а л п а: Ты, наверное, их всех знаешь?

И с а: Это еще что за разговоры? Ты не знаешь, в какую семью ты попала? Не знаю, о чем ты там, но желающих еще много.

З а л п а: Может, они приглядываются к твоей дочери?

И с а: Отстань!

З а л п а: Ты чего так боишься? Люди женятся, выходят замуж. Так было и будет. Неужели ты думаешь, когда твоя дочь подрастет, что-то изменится?

И с а: Нет, я так не думаю. Со своей дочерью никому не дам шутить. Нелюдей много развелось. В дверь стучатся.

И с а: Интересно кто это в столь поздний час решил прийти в гости *(идет открывать дверь)*... Жена, иди в другую комнату с дочкой.

Залпа уходит в другую комнату. В дверь стучатся сильнее.

И с а: Иду! Кто там? *(Иса открывает дверь, и входят трое в масках и с оружием).*

П е р в ы й: Ну, попался? Теперь не скроешься от нас, собака!

В т о р о й: Чтоб весь твой род горел в аду, мы тебя прикончим!

И с а: Да будь ты собакой, если не прикончишь.

Иса лезет в драку, третий бьет его прикладом. Иса падает на пол.

П е р в ы й: Бери его быстрее.

В т о р о й: Тяжелый, как свинья.

Третий: Давайте быстрее.

Они забирают бессознательного Ису. Слышен шум. Чуть погодя из комнаты выходит Залпа и не находит никого.

З а л п а: На помощь! *(Падает в обморок).*

Действие третье

Прошло три месяца, как забрали Ису.

З а л п а: Добро пожаловать, Халид.

Х а л и д: Мир этому дому! Как вы поживаете?

З а л п а: Все хорошо. Что у нас дома?

Х а л и д: Никаких печалей, кроме твоего горя.

З а л п а: Не знаю даже. Наверное, это испытание.

Х а л и д: Залпа, я много думал и пришел к тебе с разговором. Я недоволен родственниками твоего мужа. Не вижу никого, кто взялся бы тебе помочь. Будет разумным, если ты пойдешь со мной. От Исы никаких новостей. Никто ничего о нем не знает и не слышал. Мы должны стойко перенести все печали, которые нас настигают в жизни. Дочку твою тоже заберем.

З а л п а: Этот случай опечалил не только родственников, но и посторонних людей. Если я сегодня оставлю этот очаг, закрою дверь и уйду, то в первую очередь плохо будут говорить о тебе. Я готова умереть, лишь бы не допустить этого.

Х а л и д: Ты права, люди очень расстроены тем, что человек просто так исчез. Но и все равно....

З а л п а: Бывает, что возвращаются. Я уверена, что он вернется, сердце мне подсказывает. С твоего разрешения, я бы осталась, ведь прошло всего три месяца.

Х а л и д: Ты еще очень молода. Я не против, чтоб ты осталась. Но и все же не могу оставить тебя среди этих мелочных предателей.

З а л п а: Кто может меня здесь предать? Здесь нет ни души.

Х а л и д: Вот и я как раз об этом. Иса пропал и неизвестно, кто его оклеветал. Пропал человек, как будто его никогда и не было. Жил себе спокойно, занимался своим хозяйством, и я не доверяю людям, которые предали человека, который ни в чем не был замешан.

З а л п а: Похоже, ты знаешь, что с ним произошло.

Х а л и д: Сколько лет я уже живу на этой земле. Ты знаешь, из-за чего пропал наш отец? И в его пропаже были виновны наши родственники. То же самое произошло с Исой.

З а л п а: Халид, если ты настаиваешь, то я пойду с тобой. Но все же сердце подсказывает, что он вернется. Какая разница, где я живу, я же недалеко от вас.

Х а л и д: Хорошо. Я понял тебя. Не важно, где ты будешь жить, но я всегда к твоим услугам. Но если вдруг я что-то узнаю или услышу от этих твоих родственников, то я хоть силой, но тебя заберу.

З а л п а: Не переживай, Халид.

Х а л и д: Вот, возьми денег.

З а л п а: Не надо, Халид.

Х а л и д: Бери и не перечь мне.

З а л п а: Спасибо тебе.

Х а л и д: Ну, оставайся с Богом.

З а л п а: Может, останешься на обед?

Х а л и д: Не могу. Мне надо на похороны попасть. Наш отец говорил: «Не иди сытым на похороны и голодным на свадьбу».

З а л п а: Помню. Он был мудр. Зайдем в дом?

Х а л и д: Нет, не могу. Надо идти. Завтра я еще загляну к тебе.

З а л п а: Счастливой дороги.

Уходит. Залпа сама с собой начинает разговаривать.

З а л п а: Я знаю, Халид, что ты всегда придешь мне на помощь. Я знаю, что невзгоды семейной жизни своей дочери очень переживают родные. Но дорогу повернуть обратно невозможно, это человек может вернуться назад. Дорога остается дорогой и стелется вдаль, несмотря на то, идет по ней человек или сворачивает в силу разных обстоятельств. Нельзя же сворачивать с пути, когда ты уже прошел часть дороги. Бывало, в девичестве, когда мать не пускала меня на улицу, то всегда думала, что, выйдя замуж, я буду хозяйкой своей жизни и что в этом заключается счастье. А оказывается, это горе, когда женщина хозяйка своей жизни. Такая мне выдалась участь. Такова моя судьба. Я не жалею, слава Всевышнему. Дай мне силы Аллах выстоять!

Действие четвертое

Прошло 25 лет. За это время пришлось пережить тяжелые годы ссылки. Залпа с дочерью уже вернулись домой. Обе во дворе занимаются делами.

З а л п а: Ты в доме уже убралась?

Х а л и м а т: Сейчас, мама, уберу.

З а л п а: Никогда не оставляй то, что можно сделать сейчас же. Моя мать говорила: «То, что ты сделала ночью, люди увидят сделанным утром». Если бы кто-то умер от домашних дел и хлопот, то это была бы я. В доме моих родителей постоянно были гости. Они могли прийти и среди ночи. Пока мать им приготовит ужин, пока накормит их лошадей – наступало утро. Отец был очень

строг, он бы не простил никакую оплошность по отношению к гостям. Сейчас все просто, не то что было в те времена.

Х а л и м а т: Мама, а какой был отец? Его двоюродный брат Решед рассказывает, что у него был очень тяжелый характер.

З а л п а: Не знаю, был ли у него тяжелый характер, но точно сказать могу одно – он не был таким, как тот, кто рассказывал тебе о нем. Он был очень справедливый. Где надо – поругает, где надо – добрым словом наставлял. Но с женщинами никогда не спорил. Если бы он был среди нас, то он мог бы быть предводителем для всего села. Он был предприимчивый и честный.

Х а л и м а т: Интересно, где он?

З а л п а: Не нашлось ни одного человека, кто нам мог предоставить хоть какую информацию о нем. Лишь Аллах знает, что с ним стало.

Х а л и м а т: Он меня узнал бы? А я бы узнала его? *(Кто-то стучится в ворота)*.

З а л п а: Дочка, посмотри, кто к нам пришел?

Х а л и м а т: Хорошо, мама! Бегу! *(Открывает дверь)* Добрый вечер!

Х а в а: Халимат, это же ты! Дай-ка я тебя обниму! Как давно я мечтала тебя увидеть.

З а л п а: Дочка, кто там?

Х а в а: Твоя мать тоже дома, оказывается. Добрый вечер, Залпа! Пусть твои хлопоты будут во благо.

З а л п а: Спасибо тебе. Проходи в дом. Я тебя не знаю.

Х а в а: А я тебя знаю. Я супруга Бетархи. Я пришла, потому что хочу, чтоб мы были не только знакомы. Я пришла с надеждой на родство.

З а л п а: Дочка, займись своими делами, мы пока побеседуем с гостьей. *(Халимат уходит в дом)*. О каком родстве была речь?

Х а в а: Как бы это сказать... у меня единственный сын. Люди очень хорошо о нем отзываются. Все, что нажито нами за все годы – все его. Ты очень порядочная женщина, уверены, что дочка будет в мать. Поэтому я здесь.

З а л п а: У меня нет взрослой дочери, которая готова взять на себя обязанности невестки. Вот есть этот ребенок, которому все надо говорить и всему учить.

Х а в а: Идеальных людей нет. Мы все чему-то учимся до конца жизни. То, что она не умеет – мы научим, подскажем. Она же сирота, отца не видела своего. Бедняжка!

З а л п а: Моя дочь не сирота. Она видела своего отца, ей был месяц, когда отца забрали. Я не могу тебе дать согласия на этот брак. Когда отец приедет, он сам решит, когда и за кого выдавать свою дочь.

Х а в а: Не обижайся, я не это имела в виду. Мы верим, что ее отец найдется. Я недавно ездила к своим родственникам, так вот у них в селе вернулся человек, который уже 30 лет считался без вести пропавшим.

З а л п а: Если бы только...

Х а в а: Залпа, я не буду вас торопить с ответом. Мы познакомим молодых и дальше будем дей-

ствовать с умом. Мы не будем торопиться. Ну, я пойду...

З а л п а: Никуда не пойдешь, пока не попьешь со мной чай.

Х а в а: Я, конечно, не суеверный человек, но и все равно боюсь, что наше сватовство не свершится, если мы сейчас вместе сядем за стол. Поэтому от чая я откажусь.

З а л п а: Я не против родства с вами, но пока отец не приедет, ни о каком сватовстве и речи быть не может. Может, все-таки зайдем в дом?

Х а в а: Нет, я пойду. Счастливо оставаться.

Хава уходит.

З а л п а: Ты посмотри! 25 лет я растила ее без чьей-либо помощи, понимая, что нет у нее отца, брата, дяди родного. Я могла вернуться в дом родителей, но я не вернулась, чтобы люди не говорили, что дочь росла у родственников матери. Как я боялась, что она вырастет капризной и избалованной – из-за того, что растет без отца и брата. Избалованную девушку очень легко оклеветать. Была с ней строга, как мачеха. Это моя единственная кровинка и ради нее я жила эти двадцать пять лет в лишениях. Я пережила смерть единственного брата, ссылку и тяжелые годы на чужбине. Столько знакомых и близких я потеряла все эти годы. Но я выжила. Жила надеждой, что когда вернусь домой, я обязательно дождусь ее отца. Как трудилась, пытаюсь привести этот дом в порядок, чтобы достойно его встретить. В итоге и жизнь прошла. Самых хороших, мужественных и самых дорогих потеряли за эти страшные годы, а теперь наступило мирное время. Как же я выдам ее замуж, ведь у меня нет ни отца, ни брата, ни мужа, ни хотя бы сына? А вдруг со мной что-то случится, и она останется совсем одна? Конечно, было бы хорошо, если бы получилось ее удачно выдать замуж. Но, к сожалению, если у невестки нет много родственников, особенно мужчин, то к ней относятся пренебрежительно. Самое страшная беднота – это отсутствие близких родственников. Всевышний, на Тебя мы уповаем, на Твою милость! Будь Милосердным к нам!

Действие пятое

Хава и Бетарх у себя дома. Заходит Решед, двоюродный дядя Халимы.

Б е т а р х: Обед готов?

Х а в а: Да.

Б е т а р х: Только не подавай мне собачьей еды!

Х а в а: А когда я готовила собачью еду? Все говорят, что я очень вкусно готовлю.

Б е т а р х: Лучше меня тебя никто не знает!

Р е ш е д: Хозяева, вы дома?

Х а в а: Дома! Добро пожаловать!

Р е ш е д: Ассаламу алейкум!

Б е т а р х: Ва алейкум ассалам!

Р е ш е д: Как вы поживаете?

Б е т а р х: Доживаем свои дни. Пока срок не настанет, уйти невозможно. Влачишь эту жизнь, а когда помрешь, с тебя еще и спрос будет, за то, что жил в этом бренном мире.

Р е ш е д: Мы, конечно, уже не молоды, как раньше, но если сравнить с тем, что будет с нами, то дела очень даже неплохи.

Б е т а р х: Ты прав. Скотина соседей наш забор повалила, с ребятами чинил его. Забор нужен.

Р е ш е д: Очень нужен.

Б е т а р х: Время нынче нелегкое. Как вы там со скотиной справляетесь?

Р е ш е д: Как и все, справляемся.

Б е т а р х: Решед, я тебе одну корову дам.

Р е ш е д: Корову? Ты о чем? Я не приму.

Б е т а р х: Ничего особенного. Это я в помощь вам.

Р е ш е д: Спасибо огромное. Это большая помощь.

Б е т а р х: Это пустяк. Но ты бы смог сделать мне полезное дело.

Р е ш е д: Все, что в моих силах, я сделаю.

Б е т а р х: Решед, мы люди не чужие. Наши отцы тоже были друг другу не чужие. Конечно, мне не следовало б тебе это говорить, но я должен. Дочь Исы, Халиму, мы хотели засватать за сына. Мы говорили с ее матерью, но она без восторга приняла эту новость. Теперь надежда на тебя.

Р е ш е д: Это хорошая идея. С Залпой я поговорю. Она должна радоваться, что у дочери будет своя новая семья, опора.

Б е т а р х: Да продлит Аллах твои дни! Я знал, что ты не отнесешься халатно к моей просьбе.

Р е ш е д: Я вечером загляну к ним. Они до сих пор живут надеждой, что отец вернется, я же уже не верю в его возвращение. Если б он где-то был, то непременно прислал бы весточку.

Б е т а р х: Не знаю, пока собственными глазами не увидишь убитого, то трудно поверить. В сердце всегда живет надежда.

Р е ш е д: Как много их, пропавших без вести, похороненных без могил...

Б е т а р х: Неизвестно, что с нами будет. Жизнь очень непредсказуема.

Р е ш е д: В урочный час и покинем этот мир.

Б е т а р х: Нет! Нам пока рано сдаваться, мы еще должны породниться.

Р е ш е д: Дай-то Бог!

Б е т а р х: Пока наш час не настал, мы обязательно должны породниться. Надо еще одно благое дело сделать.

Р е ш е д: Считаю вопрос решенным. Я сейчас же соберусь и пойду туда.

Б е т а р х: Не буду тебя задерживать. Желаю удачи.

Р е ш е д: Счастливо оставаться!

Б е т а р х: Счастливой дороги!

Действие шестое

Залпа занимается домашними делами. Входит Решед.

З а л п а: Добрый день, Ваша! Проходите.

Р е ш е д: Да пошлет Аллах тебе здоровья! Как вы поживаете? Справляетесь?

З а л п а: Все хорошо, Ваша. Только покормила корову и зашла.

Р е ш е д: Халимат дома?

З а л п а: Да, в огороде возится. Я ее сейчас позову.

Р е ш е д: Подожди, Залпа, сначала хочу с тобой поговорить. Я разговаривал с Бетархом, ты же понимаешь, о чем я хочу с тобой поговорить.

З а л п а: Ах, ты об этом!

Р е ш е д: Я знаю, что ты осталась жить в этом доме ради нее. Ты ни разу не дала нам знать о своих проблемах. Никогда не обижалась на нас, даже когда мы не уделяли вам с дочкой должного внимания. Ты достойно воспитала дочь. Я понимаю, что тебе ее жалко, но и тем не менее нам всем будет спокойно, если она попадет в хорошую семью. Рано или поздно ее замуж придется выдать. Это хорошие люди. Уверен, это достойное предложение. Если спросить меня, то я дал бы согласие на этот брак.

З а л п а: Ты все верно говоришь, но я не знаю, как поступить. Они же родственники Солсы, который был с теми, кто забирал ее отца...

Р е ш е д: Да, это был их родственник, но его уже года два как нет в этом мире.

З а л п а: Люди про него говорили, что он доносчик, и меня это очень смущает.

Р е ш е д: Люди разное говорят, им бы только говорить.

З а л п а: Я всегда их подозревала...

Р е ш е д: У тебя нет никаких доказательств, поэтому ты не должна так думать. Речь идет об очень достойном сватовстве, не стоит теперь это ворошить. Если мое слово имеет хоть какое-то значение для тебя, то я считаю это достойным предложением. И им высказал свое мнение.

З а л п а: Твое слово значимо для меня. Я знаю, что вы ей желаете только добра.

Р е ш е д: Ну вот и все! Будем считать вопрос решенным.

З а л п а: Богом клянусь, я не знаю, какое принять решение. Я не планировала ее в скором времени замуж выдавать. Она юная еще. Много чего не знает.

Р е ш е д: Этот вопрос нельзя откладывать в долгий ящик. Подумай, что будет с ней, если вдруг нас не станет? Какова будет ее участь?

З а л п а: Раз ты так говоришь....

Р е ш е д: Очень хорошо. Я пойду.

З а л п а: Поужинайте с нами.

Р е ш е д: Спасибо большое, но у меня нет времени. В другой раз.

Часть вторая
Действие первое

Халимат с родителями мужа в комнате.

Б е т а р х: Налей-ка мне еще чаю, дочка.

Бетарх и Хава сидят друг против друга и беседуют.

Х а в а: Я помню будучи ребенком, моя мать рассказывала, что хорошую хозяйку можно определить по тому, как она накрывает стол и обслуживает гостей. Я свою свекровь называла наной. Когда мы с ней оставались наедине, она меня всегда хвалила и благодарила за то, что я была очень добра и вежлива с ней. Люди завидовали, что ей такая хорошая невестка попалась.

Б е т а р х: Если ты такая хорошая хозяйка, вставай и наливай чай сама. *(Слышен плач ребенка).* Иди, доченька, ребенок плачет. *(Халимат уходит).*

Х а в а: Послушай меня теперь внимательно. Мне не тяжело налить нам чай или сделать что-нибудь еще по дому. Я хочу воспитать в ней хорошую хозяйку. Мне хочется, чтоб супруга моего сына была лучшей. Если ты при ней будешь говорить такие вещи, она просто перестанет меня слушаться. Ты должен наоборот меня поддерживать в таких случаях, и она начнет еще больше стараться. Моя мать говорила, что невесту нельзя оставлять без еды и без хлопот по дому. Главное, чтоб она всегда была занята домашними делами.

Б е т а р х: Она и так никогда не садится, всегда чем-то занята. Ты тоже будь так же занята, как и она, а голодной ты не останешься.

Х а в а: Вот видишь, ты хочешь разлада в семье. Если она будет меня слушаться, то из нее получится хорошая хозяйка.

Б е т а р х: Да я ничего не говорю! *(Заходит Халимат).*

Х а в а: Халимат, налей мне еще чаю, не наполняй чашку до краев. Зло меня берет, когда чашку наполняют до краев. Как мы закончим, собери клеенку со стола и хорошенько протри его, а то муравьи соберутся. В нашем селе редко у кого на столе клеенка. Надо быть экономными.

Б е т а р х: Бог дает тем, кто ценит.

Х а в а: Как же ты прав! Это у тебя я научилась быть бережливой и экономной. Правда, мать тоже меня всегда этому учила. Халимат, ты тоже всему научишься, надо только делать то, что тебе велено.

Х а л и м а т: Нана, вы так говорите, потому что я что-то делаю не так или, может, я вас ослушалась когда-то?

Х а в а: Случись бы такое – я все тебе высказала бы по-другому. Я просто боюсь твоей халатности. Про меня уже никто ничего не скажет. Люди обо мне отзываются очень хорошо, я сама сделала свое имя. Теперь тебе надо доказать людям, что ты достойная хозяйка.

Б е т а р х: Халимат, иди попей чаю!

Х а в а: Этого еще не хватало! Разве можно со свекром за одним столом чай пить? Кто-то зайдет и увидит этот стыд. Я понимаю, что ты это сказал ради приличия, но наша невестка

не такая глупая, чтобы сделать такое. (*Халимат, смутившись, улыбается*). Иди занимайся своими делами. Ты видела, вдоль забора все заросло травой выше самого забора. Соседи мне уже говорили, что раньше такого никогда не было. Окно оставь открытым, чтоб услышать плач ребенка, если он проснется. Ты знаешь, как я намучалась с этой травой, некому было даже за ребенком посмотреть. Поэтому спина теперь дает о себе знать. До самого утра спина болела, не могла уснуть.

Х а л и м а т: Хорошо. (*Выходит*).

Х а в а: Халимат, оставь окно открытым. Если я помру, то наша семья позора не оберется.

Заходит соседка Баянт.

Б а я н т: Соседи, вы дома?

Х а в а: Заходи. Добро пожаловать.

Б а я н т: Всего хорошего в этот дом! Как вы поживаете?

Х а в а: Все у нас хорошо. Внук родился, столько приятных хлопот с ним. Выйти времени даже не бывает.

Б а я н т: Их невозможно не любить!

Х а в а: Проходи, присаживайся!

Б а я н т: Я пришла к вам с радостной вестью. Ты слышала, Хава?

Б е т а р х: Что случилось? Что мы должны были услышать?

Б а я н т: Отец Халимат, говорят, вернулся, спустя 27 лет!

Х а в а: Все об этом только и говорят.

Б е т а р х: Ну и где же он был все эти годы? Рассказал он кому-нибудь?

Б а я н т: Я не знаю, слышала только, что он вернулся.

Б е т а р х: И когда же он вернулся?

Б а я н т: Вчера вечером, говорят люди.

Б е т а р х: (*Сам себе, тихо*) Если бы решился прийти сюда, то пришел бы еще вчера вечером.

Х а в а: Как он может к нам просто так прийти, мы же его еще и не приглашали к себе? Это мы должны их навестить.

Б е т а р х: Я тебе скажу, когда можно будет к ним в гости. Сегодня пусть Халимат пойдет в дом родителей с ночевкой и пусть скажет, что завтра ждем его в гости. Гостю приготовь подарок, не мне тебя учить.

Х а в а: Залпу нужно с ним приглашать в гости?

Б е т а р х: Как хочешь. Иса своеобразный человек, не знаю, придет ли он в гости с супругой вместе.

Х а в а: Эти старые обычаи уже никто не соблюдает. Очень приятно видеть, когда муж с уважением относится к жене, вместе ходят в гости. Это раньше были немыслимые законы в обществе.

Б е т а р х: Прекращай теперь свою болтовню! Все ты знаешь! Я выйду на свежий воздух.

Х а в а: Хорошо.

Действие второе

В комнате Иса, Залпа и Решед. Залпа накрывает на стол. Заходит Халимат, Залпа забирает у нее ребенка.

Х а л и м а т: Добрый вечер! (*Взгляд останавливается на отце. Иса ласково смотрит на дочь, но тут же отводит взгляд*).

Р е ш е д: Не узнаешь своего отца? Он вернулся, невзирая ни на что!

И с а: Как ушел – так и вернулся! Ну так слушай, я ж рассказываю тебе. Почти все среди задержанных были безвинные люди. Просто кто-то их оклеветал.

Р е ш е д: Ты узнал причину, почему они тебя задержали?

И с а: Узнал, конечно! Обо мне тоже «приятель» принес им радостную весточку.

Р е ш е д: И ты знаешь, кто это?

И с а: Оставим это. У меня были друзья – Адам и Ризван. Они живы? Что с ними?

Р е ш е д: Ризвана уже лет пять нет среди нас. А Адам перебрался жить в город со своей семьей.

И с а: Я навещу родственников Ризвана. Адам – хороший друг. Если бы он знал, что я вернулся, то он уже был бы здесь.

Р е ш е д: Адам много горя увидел. Слеп. В ссылке он потерял трех сыновей.

И с а: Вижу, мои дела обстоят лучше, несмотря на то, что столько лет провел в неволе. Я хоть голода и насилия не видел.

Р е ш е д: Мы за эти годы много горя и бед и увидели, да и ты не был обласкан судьбой.

И с а: Мы пережили то, что нам было предписано Богом. Скажи мне, как вы решились выдать дочь за этих людей?

Р е ш е д: Мы уже потеряли надежду, думали ты никогда уже не вернешься. Мы посчитали, что это достойное предложение. Ты недоволен этим родством?

И с а: Моему недовольству нет предела. Чувствую себя гостем. Ты взял роль отца на себя?

Р е ш е д: Иса, я тебя не понимаю!

И с а: Ты не знал, что я даже на том свете спросил бы с тебя за этот брак? Ты меня не знал, что ли?

Р е ш е д: Иса, уже ребенок есть, некоторые темы уже не надо бы поднимать. Это судьба. Сам же говоришь, что должно свершиться то, что предписано человеку.

И с а: Ты прав. Аллах рассудит. Бедность, предписанная Богом – есть благо, а глупость – есть беда.

Р е ш е д: Все изменилось за двадцать семь лет. Да и ты изменился.

И с а: Есть то, что неподвластно годам.

Р е ш е д: От наших разговоров уже ничего не изменится. Я пойду. Ты идешь со мной?

И с а: Нет, я останусь. Мы не закончили наш разговор, мы еще поговорим. Счастливо!

Решед уходит.

И с а: Жена! Иди сюда!

Заходит Залпа.

И с а: Что говорит дочь? Она просто так пришла в гости?

З а л п а: Что за разговоры? Тебя столько лет не было, она хотела тебя увидеть.

И с а: Не учи меня. Я прекрасно знаю, каким образом она должна навестить отца, которого не видела двадцать семь лет.

З а л п а: Наши новые родственники были уже у нас в гостях. Дочь тоже была в гостях, все родственники наши уже видели ее после свадьбы.

И с а: Кто видел? Есть законы приличия, которые надо соблюдать, невзирая ни на какие причины.

З а л п а: Они нас приглашают завтра к себе.

И с а: Ты с ума сошла, женщина? Неужели ты думаешь, что я из тех мужчин, которые вместе с женой ходят в гости к зятю?

З а л п а: Все так делают. Ходят друг к другу в гости, поддерживают родственные связи. Чем ты недоволен? Они очень добры к дочери. Главное, чтоб они жили в согласии.

И с а: Прекращай свои разговоры! Пусть со мной приглашают Решеда, Адрахмана. Пойду в гости, нажрись там и приду домой? Это неприлично. *(Ребенок плачет)*.

И с а: Это гость тоже хочет сказать свое слово. Принеси мне его сюда.

Залпа приносит ребенка и смотрит, как Иса ласкает внука.

И с а: Ты хочешь нас сфотографировать? Иди, займись своими делами.

И с а: Маленький гость, надо было тебе появиться на этот свет таким чистым и светлым? В твоём лице я вижу возмездие. Я вернулся домой с надеждой, что отомщу своим врагам и дочь выдам замуж, а тут появился ты, такой чистый, как возмездие мне, за мои мысли и планы. Меня Бог наказал за желание отомстить. Двадцать семь лет я мечтал о мести, думал, как я буду мстить, но теперь я вынужден смириться со всем, простить и забыть о мести ради этого маленького человека. Отныне я смирился. Я нем, я глух ради своей единственной дочери. Всевышний, я смирился, я нем и глух отныне.

Действие третье

Дом Бетарха. Заходит Иса.

И с а: Ассаламу алейкум. Мир вашему дому.

Б е т а р х: Ва алейкум ассалам! Проходи, дорогой гость! Очень рад, что ты вернулся. Как ты?

И с а: Хорошо. Вы тут как? Как ваше здоровье?

Б е т а р х: Все хорошо, Бог милует.

Х а в а: Твое возвращение такая радостная весть для всех нас. Пусть отныне все будет хорошо в твоей жизни! А Залпы нет с тобой?

И с а: Спасибо большое за теплые слова. Она осталась дома.

Б е т а р х: *(Хаве)* Накрывай стол для дорого гостя.

Хава уходит накрывать на стол.

Б е т а р х: Ну, расскажи, где ты был все это время, как прошли эти годы для тебя?

И с а: Я был в Калуге, в заключении. Нас там было немало – чеченцев и ингушей.

Б е т а р х: Тяжело было? Пытали?

И с а: Да нет, они были очень вежливы с нами (*насмешливо*). Я знаю, много близких и родных потеряли за эти годы. Прими мои соболезнования. Да простит Всевышний их!

Б е т а р х: Потерь было много. Раньше похороны в селе была такая редкость, но теперь почти дня не проходит, обязательно услышишь весть о кончине кого-нибудь.

И с а: Умереть своей смертью не страшно. Страшно, когда абсолютные невинные люди становятся жертвами чьей-то клеветы и пропадают. И таких случаев, к сожалению, очень много.

Б е т а р х: Согласен. Но Всевышний запретил нам мстить друг другу. Он призывает нас прощать друг друга. Сколько случаев было в нашем народе, когда враждующие прощали друг друга и становились родственниками, заключая между собой браки.

И с а: Да, ты прав. Такие браки имели место, но прежде, чем их заключать, враждующие должны заключить мир.

Б е т а р х: Всевышний призывает нас прощать друг друга, ибо Сам Прощающий. Мы не пророки, мы простые грешные люди.

И с а: Много людей они сгубили!

Б е т а р х: Стол накрыт для дорогого гостя? Почему ты тут ходишь? (*Обращается к супруге*).

И с а: Я вашей невестке назвал несколько имен, у них не получилось прийти?

Б е т а р х: Я этой женщине говорил, чтоб она их предупредила. Они скоро придут. Давай пройдем к столу. (*Приглашает гостя в другую комнату и идет к супруге*).

Х а в а: Я ж никому ничего не говорила, никого не пригласила. Что теперь делать? Может, мне сбегать, позвать их?

Б е т а р х: Не надо никого звать, раскладывай мясо по тарелкам. Это для Адрахмана, это для Решеда, это для гостя. Иди, ставь на стол.

Х а в а: Зачем ставить мясо для тех, кто вообще не придет?

Б е т а р х: Делай то, что тебе сказано. Его только мне не хватало для назиданий и воспитания. С какой стати в чужом доме он распоряжается, кого звать, кого не звать? Пришел в гости в чужой дом, принимай их законы, а свои, пожалуйста, оставь у себя дома. Двадцать семь лет назад он моего дядю назвал клеветником и стукачом среди людей. Поэтому он и был арестован и получил свое заслуженное наказание.

Х а в а: И что нам с ним теперь делать? Он столько лет провел в заключении.

Б е т а р х: Он прекрасно знает, кто на него донес. Но теперь он не сможет ему отомстить, как бы сильно этого ни хотел. Я был уверен, что он вернется спустя годы и захочет нам отомстить. Поэтому я и хотел сродниться с ним, женив нашего сына на его дочери. Теперь Иса ничего не сможет сделать. Посидит у нас в гостях скромно и покинет молча наш дом. И впредь будет знать, как надо себя вести в моем доме.

Х а в а: Ты о чем? С ума сошел? Это мы виноваты в его аресте? И ты породнился с ним, чтоб лишить его возможности мстить нам?

Б е т а р х: Да, наша семья виновата в его аресте и заключении. И брак этот был с расчетом. Надо было ему следить за своим острым языком. Мой дядя перед смертью велел мне заключить этот брак.

Х а в а: О, Аллах!

Б е т а р х: Иди обслужи гостя!

Халимат слышит весь этот разговор, но увлеченные беседой супруги ее не видят. Они идут в комнату, где сидит гость. Халимат ошарашена услышанным.

Х а л и м а т: Ради моего счастья ты решил простить коварство и подлость этих людей. Ты бы им жестоко отомстил, если бы не я. А что я? Это был неправильный брак. Я пришла в этот дом, чтобы быть защищенной, но теперь из-за меня мой отец бессилён, он вынужден покориться судьбе ради меня. Как мне исправить ситуацию? Пока я этим мерзким людям готовила и обслуживала их, мой отец сидел в тюрьме по их вине? А теперь еще за его спиной и смеются над ним. Бедный мой отец! Почему я не умерла в ту ночь, когда тебя арестовали без всякой вины? Как дальше жить? Как правильно поступить? Что мне делать?

Действие четвертое

Иса совершает утренний намаз.

И с а: Всевышний! Ты Милостив! Как мне жить дальше? Я усмирил свой гнев и был очень вежлив с ними, а они восприняли это как мою слабость и трусость. Как же мне хочется стереть их в порошок! Двадцать семь лет лишения свободы, я столько несправедливости увидел. Неужели он подумали, что я струсил, смалодушничал. Неужели теперь благородство воспринимают как трусость? Может, я за двадцать семь лет отстал от жизни? Все страдания этих двадцати семи лет оказались ничем по сравнению с тем, что меня ожидало дома. Какая несправедливость! Моя дочь, она еще молода и многого не понимает. Даже если у нее хватит ума все это понять, то как я ее попрошу расстаться с маленьким сыном. Надо было остаться до конца дней в заключении, это было бы лучше, чем эта свобода, которая лишает меня возможности добиться справедливости.

Во дворе слышен лай собаки. В дверь стучатся.

И с а: Кто там?

Х а л и м а т: Это я, отец!

И с а: Проходи. Что ты спозаранку решила в гости? Ты одна?

Х а л и м а т: Одна.

И с а: Жена, иди посмотри, дочь пришла в гости. Я пойду успокою собаку.

Уходит. Заходит Залпа.

З а л п а: Дочка, ты что это так рано? Тебя случайно не выгнали?

Х а л и м а т: Нет, не выгнали. Я сама ушла.

З а л п а: Что это значит? Разве так поступают? Где твой сын?

Х а л и м а т: Я его оставила дома.

З а л п а: Ты в своем уме? Зачем ты пришла? Что случилось? Он тебя бил? Что же такого должно было у вас там произойти, что ты решилась уйти, оставив сына?

Х а л и м а т: Страшное произошло, то что я им никогда не прощу. *(Начинает плакать)*.

З а л п а: Перестань плакать!

Х а л и м а т: Вчера ночью, пока отец у нас гостил, я случайно услышала разговор свекра и свекрови. Это разговор стал причиной моего решения уйти от них.

З а л п а: Что за разговор? Они говорили о твоём отце?

Х а л и м а т: Свекор рассказывал жене, что они оклеветали отца. А мое замужество за их сыном устроено для того, чтобы лишить отца возможности мстить. И сказал, что отец в курсе, что именно они его оклеветали.

З а л п а: Так и сказал? А они знают, что ты слышала их разговор?

Х а л и м а т: Нет, они меня не видели. Они смеялись над отцом, радовались, что теперь он бессилён.

З а л п а: О Всевышний! Что теперь делать?

Х а л и м а т: Я вчера всю ночь не спала, не знала, как правильно поступить. Накормила сына, отдала его, плачущего, свекрови и покинула их дом.

З а л п а: Боже, помоги!

Х а л и м а т: Они с насмешкой называли имена всех тех, кого отец просил позвать, и издевались над его словами. Разложили мясо по тарелкам для гостей, которых они даже не соизволили позвать на ужин с отцом.

З а л п а: Отец понял, что это был спектакль? Он мне ничего не стал рассказывать, но был очень расстроен.

Заходит Иса.

З а л п а: То, что мне дочь рассказала, правда? Наши новые родственники – наши враги?

И с а: Кто это сказал?

З а л п а: Она слышала, как свекор рассказывал об этом своей супруге. Поэтому и вернулась оттуда.

И с а: Вернулась потому, что это моя дочь, иначе осталась бы там жить.

З а л п а: И что ты намерен теперь делать?

И с а: Ты прекрасно знаешь, как я поступлю.

З а л п а: Как бы ты с ними ни поступил, мне их не жалко. Они заслужили наказание, но мне жалко маленького мальчика. Как же они нас предали!

И с а: Перестань шуметь! Если бы я хотел им отомстить, то сделал бы это до того, как переступил этот порог. То, о чем ты говоришь, я давно в себе ношу.

З а л п а: Все знали правду, кроме меня.

И с а: Наша беда именно в том, что мы делимся с вами, с женами.

З а л п а: Теперь я оказалась виноватой во всем.

И с а: Не надо теперь причитать, лучше иди в свою комнату.

З а л п а: Позавтракаешь?

И с а: Нет.

Х а л и м а т: Отец, даже если ты их всех перестреляешь, они не станут лучше. Они останутся такими же низкими.

И с а: Разберемся! Ты не переживай! Бог все видит.

Х а л и м а т: Отец, мне рассказали, что ты хотел меня с собой взять в горы в родовой дом. Там, говорят, растет слива, посаженная твоим дедом. Это правда? Ты меня повезешь туда?

И с а: Меня же давно там не было. Даже не знаю, что там теперь.

Х а л и м а т: Давай вместе поедем?

И с а: *(Улыбается)*. Хорошо. Я тебе покажу родовую башню, там рядом еще родник протекает.

Х а л и м а т: Поешь, отец.

И с а: Давай тогда вместе. *(Садятся за стол)*.

Действие пятое

Иса сидит, кто-то стучится в дверь.

И с а: Заходи! Кто там?

Р е ш е д: Это я. Ассаламу алейкум!

И с а: Ва алейкум ассалам. Проходи.

Р е ш е д: Ты что это уединился? Почему на люди не выходишь?

И с а: Я уже привык к одиночеству. Даже уже не могу без него.

Р е ш е д: Это не значит, что все должны любить одиночество. Твоя дочь...

И с а: Не начинай! Надоели мне эти разговоры. Я долго терпел и продолжаю терпеть.

Р е ш е д: Все их родственники с соседних сел пришли к тебе с просьбой. Если ты не думаешь о родной дочери, то подумай хотя бы о маленьком внуке.

И с а: Ты даже себе представить не можешь, что бы я сделал, если бы не думал о них!

Р е ш е д: Ты проявил благородство, Бог воздаст тебе за это.

И с а: Ты их опекаешь?

Р е ш е д: Почему сразу «опекаешь?»

И с а: Не знаю, тебе лучше знать!

Р е ш е д: Ты знаешь, о чем я переживаю? Мы все скоро покинем этот мир, но эта ссора, вражда между нашими семьями, останется. Мои сыновья тоже возмущены этой историей. Боюсь, они могут наломать дров.

И с а: Так вот в чем дело! *(Улыбается)*. Я не буду ничего делать, но пусть они мне на глаза не попадают, а если попадутся, то пусть немедленно уходят, опустив глаза. Пускай они постоянно меня избегают. А про остальное говорить даже смысла нет.

Р е ш е д: Никто не умер, уже породнились, ребенок есть. Побойся Бога!

И с а: Бога я боюсь, но не их. Если я хотел бы им отомстить, то мне пришлось бы начать с тебя, ты, наверное, понимаешь, о чем я. После моей смерти можешь с ними дружить и что угодно делать.

Р е ш е д: Да перестань, никто не знает, кто раньше покинет мир. Они тебя всячески избегают. Но прошу тебя, пусть мать и дитя сойдутся. Пока ты свое слово не скажешь, дочь будет молчать. Ты же не знаешь, чего она хочет. Мальчик сильно плачет, вдруг он заболит от тоски по матери. Если бы не ребенок, то они не просили бы ее обратно.

И с а: Да ты в курсе всех их душевных переживаний! Да пропади ты пропадом, Решед! Ты им передай: дочь в их двор не вернется, пусть мальчика привозят сюда. Как только он вырастет и захочет вернуться в отцовский дом, он вернется. Я не хочу брать грех на душу, разлучив ребенка с матерью.

Р е ш е д: Мы не знаем, захочет он этого или нет. Не знаем, кем он вырастет.

И с а: Будет похож на своих, куда ему деваться!

Р е ш е д: Но он может быть похож либо на них, либо на тебя. Может, именно он и станет причиной примирения.

И с а: У него будет два примера на выбор. Когда он возмужает, я хочу, чтобы он разобрался с ситуацией между своими двумя дедами. Мальчик должен быть с матерью по Божьему велению. Пусть Всевышний даст ему мудрости и мужества достойно жить, умереть и жить после своей смерти в памяти людей как мудрый мужчина.

Перевод Инги Хаяури

Амина САДЫКОВА

НЕСБЫВШИМСЯ

Бывает, скучаешь по тому,
Кого еще нет...
Но знаешь – он будет.
Сомнения придают остроту,
Когда ты задет.
Привет несбывшимся людям...

Разве ты по тому не скучал,
Кого еще не встречал?..

Будут затраты.
Нас гложет сужденье:

Себя теряем, боясь осужденья.
Неизвестность душит,
Обращая в рабов.
Себя надо слушать
Без страхов и слов.

Ах, прохожий...
Знал бы, как схожи наши болячки.
Я бы, не пряча, их тебе рассказала...
Но из нас я одна в себе их признала.

КОГДА ТЯЖЕСТИ ДНЯ НЕ ВИДНО КОНЦА

Когда тяжести дня не видно конца
И жизнь поглощает полностью,
Не забывай, смотри, никогда –
О тебе ожидают новости.

Выдохнув стресс, снимая ботинки,
Когдаходишь в дом родной,
Ведь кто-то помнит тебя до морщинки
И мнит своею судьбой.

Сидишь в молчании, взгляд на стену –
Одолела когда тоска,
Помни: тебе где-то знает цену
Душа – что тебе не важна.

Когда продолжать этот цирк невозможно,
И хочется провалиться сквозь землю –
Найдется тот, кто примет отважно
Клоуна роль незаметно.

Когда кажется – падать некуда,
Средь людей когда будешь, отшельник,
Знай: кто-то же от тебя без ума!
Для кого-то ты – лучший волшебник!

Когда надоест симфония слов,
 Когда будет избыток эмоций,
 Найдется тот, молчать кто готов
 За близость твоих пропорций.

Когда мир покажется тесным,
 Будет море поломанных дров,
 Найдется, найдется, честно!
 Мир с тобой разделить кто готов.

Сидя в кухне, допивая свой чай,
 Когда одиночество ломится,
 Вдохни глубоко, расслабься и знай:
 Тебя любят, за тебя молятся.

КЕМ БЫ МЫ НИ БЫЛИ

Вопрос единства стоит остро...
 Раскол нации – путь к гибели.
 Мы все друг другу братья и сестры –
 Кем бы мы ни были.

Забывши про «истинность намерений»,
 Все в деньгах, да в выгоде меряем –
 Миллион точек зрения!
 Не слушайте ложные мнения.

Склонность к лени или неведение...
 Ложные ценности приводят к трагедии.

Вопрос единства стоит остро.
 Раскол нации – путь к гибели.
 Мы все друг другу братья и сестры,
 Кем бы мы ни были.

В ЛЮБВИ МОЖНО ТОЛЬКО ТОНУТЬ...

Каждый любит по-своему.
 А многие – вовсе не любят...
 В любви убеждая спорами,
 Женятся, а после – губят.

Каждый любит по-своему:
 Кто-то за деньги «любит»,
 Кто-то любит из жалости...
 Им и не снилась любовь в самой малости.

Идеализация тоже встречается часто...
 Любовь из ревности также опасна...

Когда от тоски не хватает воздуха –
 В этом лишь суть.
 У любви не бывает отдыха –
 В любви можно только тонуть.

АХ, ПРОХОЖИЙ!

Ах, прохожий!
 Ты болен? Я тоже.
 Давай подытожим –
 Что нас с тобой гложет.

Нас гложет зарплата:
 Что не по карману

ПРОХОЖИЙ

Не смотри на меня, прохожий –
 Нет больше сил тебе улыбаться.
 Ты на кого-то сильно похожий...
 Но хватит уже по нему убиваться!

И ты мне не улыбайся, прохожий,
Я расстроить тебя боюсь.
Я присела бы у горных подножий...
Ты поникнешь – не засмеюсь.

Не влюбляйся в меня, прохожий...
Я умираю немного, чуть.
Не оставляй мне раны на коже –
Я летать еще только учусь.

Не перекрывай дорогу объятьями...
Для меня все люди – черные вороны.
Нам с тобою не называться братьями.
Отпусти... на четыре стороны...

МОРЕ ВОЛНУЕТСЯ В НАС

Я стою на берегу загадок,
Я на пороге великих событий.
Человечеству грозит упадок –
Без любви, чудес и открытий.

Я стою на берегу загадок,
Отчаянно всматриваюсь в даль.
Вмиг исчезает привычный порядок,
На песок моя падает шаль.

Бушует море свирепо –
Как необузданный дикий зверь.
Кажется буря нелепой,
Былых уж хватает потерь...

Говорят, было такое время –
Когда не волновалось море,
В чистоту, справедливость веря,
Не знало ни волн, ни горя.

Но человек пролил кровь рекою.
И защиты пробил час.
Не найти теперь морю покоя.
Оно защищает себя... от нас!

О ТЕБЕ БУДУТ ДУМАТЬ...

Я тебя ни за что не забуду –
Может пройти сотня лет.
Днями на небо смотреть буду:
Память – в прошлое наше билет.

Тебя никто не осудит.
Я построю для нас мосты.
О тебе будут думать люди –
Читая мои стихи.

ЗАБВЕНИЕ

По воле Бога, не избежать гниения
Даже прекрасной розе!
Но ты можешь не бояться забвения –
Ты будешь жив в моей прозе...

Магомед АБДУЛАЕВ

Тростник моих чувств...

Родился в 1974 году, окончил с отличием Катыр-Юртовскую среднюю школу № 1. В 1990 году поступил в ЧИГУ им. Л.Н. Толстого, но окончил его позже в связи с известными военными событиями на территории ЧР. Работает с 16 лет. Первое рабочее место – детский журнал «СтелаГад» («Радуга»). С начала двухтысячных работал также в газете «Даймохк», «Васт», в журнале Вайнах».

Магомед Абдулаев является представителем известной чеченской династии поэтов, писателей, журналистов (сын народного поэта Чеченской Республики Лечи Абдулаева). Является членом Союза писателей России и Союза журналистов России. Пишет в разных жанрах литературы и журналистики на чеченском и русском языках, а также занимается переводами как с чеченского на русский, так и с русского на чеченский языки.

И пусть сегодня все и вся,
Смешалось, ну и что же.
И невозможно отличить
Теперь от правды ложь.

Быль с небылью в смеси,
Добро – с коварным злом.
Теперь истерло грани, их
Покрыло бурым мхом.

Что интересно было так
Теперь, то стало скучным.
Любовь и ненависть сочли
Союз вполне сподручным.

Уж овцы стали шеголять,
Надевши шкуры волчьи.
В овечьей шкуре прячется
Уж нынче серый ловчий.

И переполнив космо-ночь
Едчайше-многоцветно,
Хаос с тьмой сливается,
Разбавлен красным светом.

Миры, с осей срываясь, вдруг,
Летят в кручении в пропасть,
Зиянья дыр озоновых
Уже нам не заштопать.

Укрылось солнце тучами
В ужасном перепуге,
Проведав обо всех земных
И неземных недугах.

Но жизнь одна и вопреки
Всему ее мы любим.
Другой она не будет –
Ветку под собой не рубят.

И хоть она безумием
И страхом одержима,
Любовь людская к ней
Всегда крепка неодолимо.

И пусть судьба нам кажется
Порой такой коварной –
Сквозь бурю бед проходим мы
Уверенно тараном!

И драться будем мы как львы
За все, что того стоит,
Держать и верить будем мы,
Причины в жизни строить.

Лишь то, что благо для Отчизны
Для мужчин уделом
Достойным будет – с нею, что
Аллах пошлет, разделим.

Жизнь так кратка, на мелочи
Ты никогда не траться,
Чтобы в конце ни с чем,
Да и ничем чтоб не остаться.

В гряде домов застыл наш дом скалой.
Застыл глухонемой, ослепший, нищий...
Его душа ушла с твоей душой,
А жизни новой мертвые не ищут.

Мне сердце заковали ледники
Жестокими оковами разлуки
И вряд ли кто-то сможет воскресить
В нем чувства, что угадали
в муках...

Отрезанный от всех земных дорог,
Я прозябаю в бренном, зыбком мире.
И навевает через мой порог
Визгливый ветер пепел замогильный.

И одинокий ветер ворошит
Мостов сожженных пепел, в небе кружит.
И застывает скорбная душа,
Тоску привычную пытаюсь сдюжить...

Неужели чтоб привлечь внимание
Сердце биться перестать должно,
Что при жизни этой понимания,
Света и тепла не дождалось...

Неужели, чтоб вы поступились
Мелочной житейской суетой,
Должен я под холмиком могильным
Лечь под чурта хладною плитой?..

Поджарый, одинокий, волк могучий,
К сияющему месяцу взывая,
В горах, заледенелых и дремучих,
Тоскливым воем душу изливает.

Два глаза – две светящиеся щели.
Угрозы полон мрачный силуэт,
Что четкой линией во тьме очерчен
В ночи, сполна впитавшей лунный свет.

В неволе он тоскует и сдыхает,
А если попадает в капкан,
Без колебаний лапу отгрызает –
Без полумер: иль пан или пропал.

Свирепый хищник. Жалости и страха
 Не ведаешь ты и не заскулишь –
 Скорей пойдет весь мир ничтожный прахом,
 Чем ты, прося пощады, заюлишь.

Я помню, дед рассказывал мне в детстве,
 Что в Судный день взметнется ураган,
 Сметая в прах твердыню всех препятствий,
 Дробя и горы в пыль и города.

Перед стихией, ужас наводящей,
 Не дрогнет волк лишь – глаз не отвернет
 И шкуру смерч все на пути сносящий,
 С живого непокорного сдерет.

Жесток ты, серый, не для злой потехи.
 Ты предсказуем, смел, отважен, горд.
 С чего ж когда луна тебе лишь светит,
 Ты воем кроешь пики диких гор?

Твой вой струится по ущельям, к тучам,
 Срываясь с пик отчаянно в обрыв.
 В сырых пещер, приют мышей летучих,
 Вползая в чрево глухо и навзрыд.

Вся жизнь твоя сплошная мгла ночная,
 Ты рыщешь неприкаянно в той мгле.
 И смел, и горд, и дерзок, и отчаян
 Сдающийся одной сырой земле.

Ты так суров, как эти горы, брат мой,
 Ты сам как продолжение скалы,
 Но на привалах на дороге ратной
 В тоскливом вое изнываешь ты.

Не может быть, что плачешь о свободе –
 Ведь у тебя она в избытке есть.
 Быть может, сердце ноет от обиды,
 Раскрыть которую не позволяет честь?..

Твои свободолюбие и гордость
 Тебя приговорили до конца
 Быть одному и так встречать невзгоды,
 Пока смерть не пришлет гонца.

И, как и всем тебе, конечно, тоже
 Тепла и ласки хочется – порой,
 Когда, весь мир обмакивая в сажу,
 Ночь оставляет говорить с луной.

Ночью, когда все и вся засыпает,
 Тот, кого все называют поэтом,
 Медленно копоть из губ выдыхает,
 Внутрь забираясь волшебной кареты.

Скинув с души своей панцирь защитный,
 И распахнув ее миру и небу,
 Кожу как будто снимает несчастный,
 Чтоб ощутить эту жизнь каждым нервом.

Или вину всех убийц и тиранов,
 Корчась от боли в себя пропускает.
 Или ж красоты все в душу вбирая,
 Веки устало поэт опускает.

Ну а к утру, когда мир безучастный
 Вдруг оживится, от сна пробуждаясь,
 Он, захлебнувшись несчастьем и счастьем,
 Рухнет в постель и смеясь, и рыдая!..

Да, давно осталось детство в прошлом,
Без забот, не влась отщебетав.
Сединой, как снегом припорошив –
Юность укатила навсегда.

Время, что отпущено нам свыше,
Словно сжатый в кулаке песок,
Но в лицо нам ветер смерти дышит,
И слабеет жалкий кулачок.

Мы сквозь пальцы распыляем годы,
Не пытаюсь что-то изменить.
Время, усыпляя нас свободой,
С прошлым укорачивает нить.

Мир, привычный, где я был так счастлив
Изменился, видимо, навек.
Так беспечен снова буду вряд ли –
С горки вниз идущий человек.

Сколько уж надежд не оправдалось,
Сколько дорогих ушло людей.
Время, точно буря, расшвыряло
Монолит живой моих друзей.

Когда меж вас я
В одиночестве погрязну
И эхом страшным
Оглушит оно мне душу,
Когда начну метаться
В закоулках грязных,
Ища ту искру,
Что его порушит,

В тот миг, всяк ближний
Станет точно бездна,
В которой даже крик
Души теряет смысл и силу.
Сорвусь я в пропасть
Мерзких дат и чисел,
Где в ужасе холодном
Слезы стынут.

И самых близких
Душ броню глухую,
Вдруг, ощутив,
И их слепые лица –
Засовы вместо сердца
– Скван стон –
Грозящие навек
С их плотью слиться,

Я понимаю,
Что в который раз
Я оказался
За чертою света
И ниточка
Опять оборвалась
И, кажется,
Конец мечтам поэта.

И, осознав, что
Я очнулся вновь
От грез, что так
Недолго сердце тешат,
И, вновь открыв
Никчемность громких слов,
Я тут (чего греха таить...)
Опешил,

Но лишь на время,
 Ведь не в первый раз
 Я к прозе жизни
 Жалкой возвращаюсь,
 Чтоб снова, чуть
 Согретьшись подле вас,
 Забыться новой сказкой –
 Грешен, каюсь...

Я путник, устало присевший
 На корточки у костра.
 Тростник моих чувств отсыревший,
 Желаний сгоревших дотла

Угольки еле-еле горящие
 Накрывает, шипя и дымя.
 Едкий дым овивает навязчиво,
 Точно путами,
 Меня...

А недавно нам раны казались
 Пустяком, если кость цела,
 Будто вылиты были из стали,
 А в душе вечно роза цвела.

И к финалу мы шли беспечно,
 Он казался таким далеким...
 Нам казалось, что жить будем вечно,
 Продолжать путь обманчиво легкий.

Но с годами становится ближе
 Даже призрачный горизонт.
 Небосвод нависает все ниже,
 Словно серый тяжелый зонт.

И привалы мои участились,
 Не так резво встаю в поход.
 Может, просто подошвы сбились,
 Замедляя дальнейший ход

В частых этих своих привалах,
 Разжигая костры каждый раз,
 Как в начале пути прививали,
 Поддуваю огонь, духарясь.

Голова, что с жару кружилась
 С жару бешеного огня
 Начинает от усилий кружиться,
 Когда дую в остатки костра...

Память

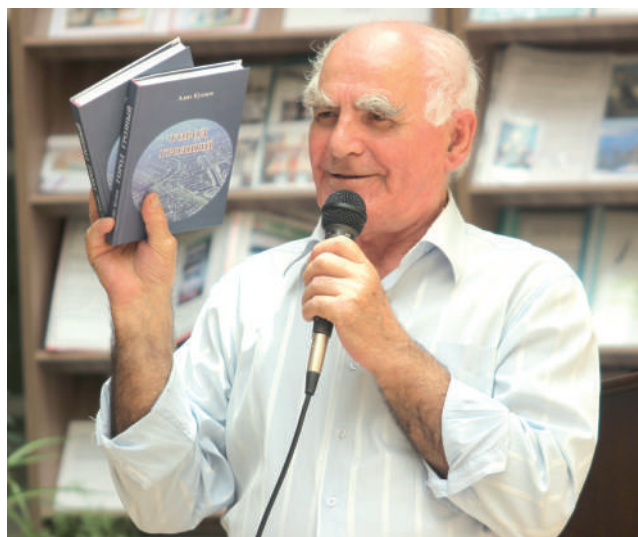
Адиз КУСАЕВ

**К ВОПРОСУ О ПЕРВЫХ УЛИЦАХ
ФОРШТАДТА КРЕПОСТИ ГРОЗНОЙ (1818-1822 гг.)**

Разобраться в этом вопросе актуально именно сегодня, потому что с середины XX века и по сей день продолжают споры о первых улицах форштадта крепости Грозной и в Интернете, и в изданиях последнего времени. Разобраться в этом необходимо и потому, что новые поколения горожан, запутавшиеся во всемирных сетях, как в паутине паука, плохо знают историю нашей столицы и еще хуже представляют себе, какие улицы были первыми на форштадте еще крепости Грозный, а какие сформировались позже. Это важно, потому что первые две улицы, вступая в третье столетие, пересекают до сих пор город: первая Первомайская (ныне ул. им. Шейха Али Митаева) – от площади Нефтяного института до школы №7, а другая, ул. Красных фронтовиков (ныне ул. им. С.Ш. Лорсанова) – от старого моста через р. Сунжу до ул. Маяковского (ныне ул. Назарбаева).

Одни историки утверждают еще с восьмидесятых годов XX века, что «форштадт, окруженный валом, был расположен к западу от крепости – на нынешних кварталах между улицами Первомайской и Сталина. Здесь в мазанках жили отставные солдаты, занимавшиеся хлебопашеством и ремеслом, семьи офицеров, немногочисленные торговцы. На форштадте был устроен бульвар и сад. Здесь же располагались госпиталь и гостиница с лавками». [23, с. 244]

Сохранившиеся до 1960, а некоторые и до наших дней, в этой части Грозного названия улиц Арсенальная (ул. им. Быковского), Госпиталь-

ная, Куринская, Навагинская, Тенгинская (ул. Мира) показывают на первоначальный характер поселения и его обитателей – солдат линейных полков Кавказской армии.

«Окрестности крепости Грозной еще во второй половине XIX в. изобиловали лесами, где водилось много диких кабанов, коз, фазанов, на которых охотились жители крепости. Окончательно эти леса были уничтожены уже в начале нынешнего (XX века – А.К.) столетия. Дремучие леса покрывали Новогрозненский хребет и Ханкальское ущелье». [23, с. 244].

Другие историки утверждают, что в «1839 году по приказу командования возле крепости Грозной создается военное поселение, солдаты которого должны были защищать мирных жителей форштадта. 154 женатых «нижних чина» Куринского полка с этой целью были переселены на юго-запад от крепости за уже наметившийся ее центр». [16, с.10]

Тут и пролегла, по их мнению, отделившая город от этого поселения, жители которого в 1848 году при формировании Сунженского казачьего полка были приписаны к казачьему сословию и оно стало называться станицей Грозненской, первая улица, названная Граничной. Напротив крепости, на правом берегу р. Сунжи, располагались четыре чеченских аула: Янги-Юрт, Кули-Юрт, Сарачан-Юрт и Грозненский.

Приведем и мнение о первых улицах форштадта крепости Грозной. «Гвардейская улица (сначала – Кузнечная, с 1920 года – Набережная) – одна из первых улиц, появившихся в Грозном. Ее появление, как и первичное название, связано с крепостью Грозной». У нее на левом берегу реки Сунжи «находились полковая баня и мастерские. Особенно много здесь было кузниц. И когда на этом месте обозначилась улица, она стала называться Кузнечной». [16а, с.108] Мнение еще одного историка по поводу первых улиц города: «Крепость Грозная с первых дней своего существования стала обрастать разного рода поселками. На север, на участке земли, охватывающем современные улицы Первомайскую, Пушкинскую, им. Красных фронтовиков и до улицы Кабардинской располагался форштадт, в котором селились женатые солдаты, а затем и разный ремесленный люд, торговцы». [6, с.13]

Правда, вскоре земель, отведенных под строительство жилья, не стало хватать, а расселению на восток мешала река, через которую в 1818-1822 годах еще не было моста, поэтому более пятнадцати лет спустя после возведения крепости постройки двинулись на юго-запад, к теперешнему проспекту им. Путина. И именно там начал формироваться административный, торговый и культурный центр будущего города.

И, наконец, последнее на этот счет. На одном из круглых столов, посвященных 200-летию нашей столицы, один историк, ученый-юрист, участник беседы об истории города, в своем рассказе убежденно заявил, что первой улицей Грозного была Кузнечная. Я возразил ему, что в первые годы крепости на месте будущей позже улицы Кузнечной находился большой плац, на котором солдаты занимались шагистикой и комплектовались воинские части для очередной губительной экспедиции против горцев.

Проанализировав все эти мнения и основываясь на многочисленных данных документальных публикаций [2; 6; 9; 13; 23 и др.] и собственные полевые материалы – записи воспоминаний старожилов, мы делаем вывод, что самыми первыми улицами форштадта крепости Грозной, а значит – и города, были Александровская (с 1920 г. Первомайская, сейчас – им. шейха Али Митаева) и Михайловская (с 1928 г. Красных фронтовиков, сейчас – им. С.Лорсанова).

Самая первая улица на форштадте вначале не считалась даже таковой, а была она задумана как аллея торжественных парадов или смотров войск и встреч okazji из России и гостей. Начиналась она сразу же за крепостным валом и была длиной всего-то триста с небольшим метров – до нынешней улицы Кабардинской. До 1850 года она называлась просто Бульварной, потому что центральная аллея ее была обсажена деревьями. И только с этого года стала называться Александровской в честь наследника престола, будущего императора Александра II-го, который, совершая поездку по Кавказу, побывал и в крепости Грозной. Она была и самой протяженной, потому что казаки станицы Грозненской, отделенной от форштадта всего одной улицей, названной Граничной, захотели,

чтобы продолжение ее до нынешней вокзальной площади тоже называлось Александровской.

В том же 1850 году на конце нынешней ул. Кабардинской в честь наследника Российской империи были построены мощные «Красные ворота». Почему они были названы Красными? Они назывались так потому, что все низенькие, невзрачные лачуги-халупы на этой улице были или турлучные, слегка обмазанные глиной, или из сырых саманок, а солидные ворота были сложены из красного кирпича, впервые обожженного на первых кирпичных заводах, которых «все больше появлялось» на форштадте крепости. Через эти триумфальные ворота и по этой улице осуществлялась, главным образом и связь крепости с Россией: именно по этой улице приезжали в Грозную и выезжали из нее через укрепление Горячеисточненское, станции Червленая, Шелковская или Наурская в Россию, по единственной тогда дороге военные колонны и гражданские обозы. Встречи и проводы их проходили у красочной арки «Красных ворот».[9, с. 31].

«Красные ворота» простояли на перекрестке улиц Первомайская и Кабардинская до 1932 года: в тот год они были снесены при прокладке первой трамвайной линии в Грозном. В 1920 году улица была переименована в Первомайскую. И вот почему: именно на ней состоялось первое легальное празднование в городе Первого мая. Правда, этот праздник как Международный день солидарности трудящихся был отмечен в Грозном нелегально рабочими Старых промыслов на дальнем Неклепаевском участке нефтедобывающей фирмы «Шпис» еще в 1903 году. Тогда Первого мая был проведен митинг солидарности рабочих в поддержку уволенного товарища. На нем были разработа-

ны требования рабочих к своим работодателям. И нефтяники добились своего: уволенный вернулся на промысел. Рабочие впервые поверили в свою силу.

Второй раз 1 Мая в 1906 году, во втором году первой русской революции, рабочими многих предприятий Грозного решено было отметить маевкой на Старых промыслах и демонстрацией в городе. Но местные власти, узнав о замыслах рабочих, наводнили Грозный войсками, и проведение демонстрации стало невозможным, а маевка все-таки состоялась на горе близ ближайшего нефтеучастка Старых промыслов.

«Настроение рабочих было праздничным, революционным, – писала об этом событии издававшаяся в тот год в Грозном газета «Терець» (редактор – Денилбек Шерипов). Об этом говорил даже внешний вид присутствовавших. Мужчины пришли на маевку в красных рубашках, а женщины в красных косынках. Они принесли с собой красное знамя, и полицейский пристав не в силах был заставить убрать его». [21, с. 10] Маевка вылилась в митинг, продолжавшийся несколько часов. В нем приняли участие около двух тысяч человек. Из тридцати трех требований, предъявленных рабочими нефтепромышленникам, важнейшим было предоставить право праздновать ежегодно 1 Мая и объявить этот день выходным.

Первая же самая крупная и многолюдная первомайская демонстрация, в которой участвовало около десяти тысяч рабочих (в том числе впервые и чеченцы) только предприятий города Грозного (без Старых промыслов), состоялась в 1907 году. Накануне большевистской организацией города была выпущена листовка, призывающая рабочих участвовать в первомайской демонстрации. В ней говорилось: «Товарищи!

Завтра Первое мая – великий праздник Международного пролетариата. В день Первого мая рабочие всех стран протягивают друг другу руки и заявляют о своей классовой солидарности. В этот день не должны дымиться фабричные трубы, рабочие должны выйти и заявить: «Да здравствует Международный пролетарский праздник 1 Мая!». [16, с. 25]

Утром Первого мая многочисленные гудки заводов и фабрик оповестили о начале праздника. Рабочие собрались на демонстрацию у Сада Чернявского, разбитого на Александровской улице в самом центре города. И хотя три тысячи рабочих Старых промыслов не смогли пробиться в город через усиленные кордоны полиции и войск, возле Сада собралось около 10 тысяч человек. В демонстрации впервые участвовали и рабочие-чеченцы, которых к тому времени в городе насчитывалось более трех тысяч.

По обеим сторонам бульвара демонстранты двинулись стройными рядами на митинг, который решено было провести на Дровяной площади (с 1920 года – площадь Борьбы, сейчас – сквер между корпусами ЧГУ по улице им. А.Шерипова). Один из рабочих, участников митинга, вспоминал позже: «Гудит Дровяная площадь Грозного. Шли и сочувствующие рабочие, и настоящие «уверенные» социалисты, и просто любопытные. Многие знали из приказа губернатора, что праздновать 1 Мая воспрещается, что участникам грозит 50 рублей штрафа и даже военно-политический суд. Но все-таки шли». [10, с. 174]

«Для разгона митинга на площадь был выслан взвод полиции и казаков, – писала газета «Грозненская новость». – На приказ полицмейстера разойтись участники митинга ответили отказом, и сами окружили взвод. В солдат и казаков поле-

тели комья грязи. В руках у рабочих замелькали деревянные колья. Сбитые с лошадей казаки не знали куда деться. Спасаясь бегством, они бросились в реку Сунжа (в районе бывшего парка культуры и отдыха С.М. Кирова) и переплыли на другой берег. Постепенно на площади был собран весь гарнизон города, чтобы, как говорилось в донесении полиции, воспрепятствовать повторению сборища. И только тогда, когда войска заняли всю площадь, рабочие прекратили митинг, но не расходились, а стояли у дворов по всем четырем сторонам площади. И лишь к шести часам вечера разошлись по домам». [15, с. 290]

В память об этих событиях – первой массовой демонстрации в день 1 Мая – вскоре, после установления Советской власти в Чечне, часть улицы Александровской, которая, постепенно интенсивно застраиваясь, протянулась до нынешней средней школы №7. От нее до бывших крепостных валов – до нынешней площади нефтяного института – была переименована в Первомайскую, а часть от улицы Михайловской до вокзала – в проспект им. Г.К. Орджоникидзе, а Дровяная площадь – в площадь Борьбы. По традиции, именно на ней проводились парад Грозненской и Чеченской Красной армий и митинг в честь их блестящей победы над белоказаками в знаменитых Стодневных боях в городе Грозном в 1918 году. Об этом свидетельствовала мемориальная доска, установленная на корпусе Чеченского государственного университета. В пятидесятые годы, когда на площади Борьбы встали два корпуса университета и между ними был разбит красивый сквер, он стал называться Студенческим.

1 Мая 1920 года произошло еще одно знаменательное событие – первый коммунистический субботник. В этот день солидарности трудя-

щихся нефтяники Старых промыслов «решили помочь своим соседям, жителям хутора Васильев, провести с 36-го участка воду, в которой те испытывали острую нужду. Работа началась с обеих сторон: от промыслов водопровод вели нефтяники, от хутора трассу рыли его жители. Трудились все с энтузиазмом – весело, с песнями. В тот же день водопровод был построен. В память об этом хутор Васильев был назван станцией Первомайской». В 30-х годах XX в. в ней был организован один из лучших колхозов Чечни. [7, с. 305]

Много памятных мест было на улице Первомайской (ул. А. Митаева). История тут начиналась незабываемая с первых же шагов по ней. В самом начале улицы, на несколько кварталов были раскинута корпуса знаменитой Республиканской больницы. Памятна она была тем, что с двадцатых годов XIX в. была госпиталем крепости Грозной. Об этом напоминала мемориальная доска на одном из ее неприметных старых корпусов: «Здесь располагался госпиталь, в котором в 1847 году работал и проводил операции выдающийся хирург Н.И. Пирогов». Тогда уже всемирно известный профессор медицины, впервые применивший наркоз при операциях в полевых условиях, не только жил и работал в Грозном, но и выезжал в горы Чечни, встречался с известными чеченскими народными лекарями, знакомился с их методами лечения ран травмами без хирургического вмешательства и очень высоко отзывался о них в своем знаменитом труде «Отчет о путешествии по Кавказу», обошедшем весь мир.

В частности, это зафиксировано и документально: «Сравнив условия русской и горской медицины, Пирогов нашел правильный путь, по которому надо идти в оценке народной ме-

дицины. Не принижать, но и не возвеличивать, отбирать ценное и отметить схоластическое и устаревшее». Одновременно Николай Иванович Пирогов исследовал и применял в своей практике некоторые приемы лечения горских лекарей. [19, с. 99].

На улице Первомайской находился, да и сейчас снова возрожден в современном виде разрушенный в первую чеченскую кампанию комплекс зданий Первой городской больницы. Он был возведен в тридцатые годы XX века на месте площади, которая до 1932 года носила имя Четверговой. Называлась она так потому, что до самой революции в октябре 1917 года на ней по четвергам собирались базары, где мирно торговали друг с другом горожане, горцы и казаки.

До 1887 года на этой площади по четвергам собирался базар. Необорудованная и немощеная площадь утопала в грязи, торговля на ней производилась прямо с подвод и арб. Чеченцы привозили из аулов топленое коровье масло, сыр, курдючный жир, яйца, птицу, кукурузу в зерне. Казаки сунженских станиц доставляли на рынок в основном молочные продукты: сливочное и крестьянское масло, творог, в гончарных крынках каймак, топленое и кислое молоко, затянутое поверху коричневой пенкой. Затеречные станичники везли вяленую рыбу, арбузы, мед, вино, каперсы, виноград». [6, с. 15]

После революции до 1932 года Четверговая площадь оставалась пустой и малоиспользуемой: домов и торговли на ней уже почти не было. Но с этого года она стала неузнаваемо меняться – бурно застраиваться. Наряду с жилыми домами для специалистов, в 1935 году на Четверговой площади построили корпуса хорошо по тем временам оборудованной Центральной городской поликлиники, ставшей

затем Первой городской больницей. Сейчас клиническая больница №1.

На этой улице были исторические места, памятники природы, культуры и архитектуры. Но особо хотелось сказать об одном памятнике природы. Это дуб черешчатый (или пирамидальный), который до сих пор стоит и каждой весной зеленеет во дворе бывшего жилого двухэтажного дома (сейчас в нем размещен Комитет Правительства ЧР по государственному заказу). Высокий, стройный, зеленый, почти что целый год он виден издали и восхищает своей необычностью. История этого дерева такова: это «единственный экземпляр на территории Чечни и Ингушетии. Был посажен в 1910 году двухлетним саженцем, вывезенным из Ирана П.Н.Еникеевым. Сейчас высота дерева достигает около тридцати метров, диаметр ствола – 65 сантиметров. Крона пирамидально-кипарисовидная, хорошо развита. Плодоносит. Впечатляюще декоративен. Может быть использован как генетический фонд». В советские годы охранялся законом как единственный и уникальный в своем роде памятник природы [18, с. 46].

В том же квартале под №30 стояли не тронутые многочисленными войнами, пылавшими в городе Грозном с самого начала XX века, два дома с арочным въездом и большим двором. До революции 1917 г. они принадлежали известному в те времена владельцу кирпичных и черепичных заводов С. Хангельдиеву, прочные изделия которого с маркировкой «С.Х.» встречаются даже в наши дни. Но в историю города особняк вошел, потому что, как гласила надпись на мемориальной доске, установленной в 1968 г.: «Здесь в 1918 году в период Стодневных боев располагался штаб Правого (особого) фронта».

Командовал им видный большевик, старопромысловский рабочий П. Маслов.

Здание это с надстроенным новым хозяином сплошным вторым этажом и облицованное белым камнем потеряло неузнаваемо прежний вид и историческую ценность. Как и здание бывшего офиса Грозненских нефтепромышленников 1912 года постройки в конце того же квартала (номер 34), над которым сейчас надстроен третий этаж, и он перепрофилирован под квартиры.

Именно на улице Александровской находился и знаменитый Сад Н.Чернявского, история которого началась около ста десяти лет назад. В те далекие годы купец Чернявский приобрел небольшой земельный участок на улице Александровской в центре города, где он построил сцену с открытой зрительской площадкой. Рядом соорудил небольшой бассейн с рыбками и фонтанами. Для прогулок по саду разбил три параллельные аллеи, отделенные друг от друга кустами сирени.

«Все было красиво сделано. Лишь правую часть садика портила невзрачная кирпичная стена соседнего двухэтажного здания. Чернявский пригласил художника Э. Бернгольта, по эскизам которого скульптор В. Кольцов вылепил на стене цветной барельеф горного пейзажа: вьется дорога в ущелье, по ней ползет арба, журчит сбегаящий со скалы ручей (кстати, настоящий), который на переднем плане вращает колесо водяной мельницы. Вид получился великолепный, он украшал садик, делал его уютным».[2, с. 56]

Это действительно было так. Барельеф сохранялся до наших дней и радовал посетителей до 1995 года, пока не был разрушен. В 1920 году садик Чернявского был национализирован и назван «Садом им. 1 Мая» в честь его празднования в 1907 году – именно у этого сада со-

бирались рабочие на демонстрацию. До конца дней своих он оставался местом паломничества любителей музыки и главной сценой для гастролей звезд эстрады Советского Союза.

На его сцене выступали еще до революции 1917 года звезды немого кино и театра Вера Холодная и Иван Мозжухин, показывая отрывки своих кинофильмов «Осенние скрипки», «Сказки любви дорогой» и других. Здесь выступал профессор московских театрално-музыкальных вузов Максимов, пела всемирно известная исполнительница цыганских песен Ляля Черная, ставил отрывки своих первых спектаклей великий актер и режиссер Евгений Вахтангов, несколько месяцев проработавший в городе Грозном перед отъездом в Москву...

На сцене Сада Чернявского еще в 1912 году поставил свою первую пьесу «На вечеринке» первый чеченский драматург, актер и режиссер Назар-Бек Гаттен-Калинский (Н.Шерипов). Она пользовалась таким огромным успехом, что билеты на постановку раскупались за недели до спектакля. В 1912 году одна из газет, издававшихся тогда в Грозном, писала об этом: «Артистом Назар-Беком Гаттен-Калинским была поставлена на родном ему, чеченском, языке пьеса его же сочинения «На вечеринке». В пьесе выступали кроме автора три местных любителя (артисты-чеченцы) и целый ряд танцоров... Публики собралось много. Пьеса была понятна и русским, так как в ней действовало вводное лицо, поясняющее текст». Под именем Назар-Бека Гаттен-Калинского выступал бывший офицер, с 1905 года посвятивший себя театру и воплощению в жизнь мечты «создать труппу из артистов-чеченцев для постановки пьес на их языке». Он был самым старшим из пяти братьев Шериповых.

В 1920 году Сад Н.Чернявского стал достоянием народа, и на его сцене в разные годы выступали многие известные и знаменитые артисты эстрады, театра, балета города Грозного, России, Чечено-Ингушетии: Леонид Утесов, Махмуд Эсамбаев, Муслим Магомаев, Юрий Антонов и другие.

Второй улицей, которая начала формироваться на форштадте крепости, по причине тесноты ее, на второй год строительства, в 1819 году, была улица Михайловская. Была она названа так в честь брата императора Александра II Великого князя Михаила и носила это имя до 1928 года. В тот год установились дружеские отношения рабочих Грозного с немецкой организацией рабочей самообороны – Союзом Красных фронтовиков. Грозненцы хотели пригласить их на праздник 1 Мая в том году, но «встретиться в международный праздник не удалось», и все же «в августе 1928 г. грозненцы с большой теплотой встречали делегацию Красных фронтовиков. Она посетила заводы, промыслы, квартиры рабочих», вернувшись же на родину, гости рассказали об успехах грозненских рабочих. В память об этом и стала улица носить свое новое имя до 2012 года, когда снова обрела новое название – улица имени Лорсанова... [1, с. 69]

В начале улицы, на берегу Сунжи за валом крепости был плац, на котором муштровали солдат, устраивали различные смотры, парады, военные игры. Временами на нем разбивались палаточные лагеря частей, формируемых для карательных экспедиций в Чечню.

От этого плаца и начиналась сразу за крепостными валами улица – от р.Сунжи и улицы имени Чернышевского (ныне им. М. Гайрбекова) – до

того места, где стояла, по преданиям, землянка, в которой жил при строительстве крепости садист, жестокости которого ужасался даже царь, палач Кавказа А.П. Ермолов, деля с солдатом все тяготы войны. Именно на ней в 1820 году был построен первый дом будущего города – Дом коменданта крепости Грозной Грекова, потомка казака из Запорожской Сечи, который ненавидел чеченцев и по садизму и жестокости превосходил даже изверга Ермолова. Просуществовал этот дом 176 лет – до первой чеченской войны 1994-96 годов.

Интересна история строительства его. В морозную ночь 29 января 1819 года по приказу Ермолова из крепости Грозной вышел отряд пехоты под командованием коменданта полковника Н.В. Грекова, подкрепленный артиллерией. Войдя в вековой лес Ханкальского ущелья, выставив охрану, отряд приступил к рубке леса. Вырубалась широкая – более трехсот метров просека, по середине которой прокладывалась дорога, что хорошо описано в повести Л.Н. Толстого «Рубка леса». [4]

Лучшая древесина этой вырубки – бревна бука и липы – по снегу и льду замерзшей Сунжи волоком подтаскивались на крепостной плац для предстоящего строительства. Вскоре из них был заложен первый в городе дом, и работа закипела. Строился он в метрах 250 от крепостного вала и в тридцати шагах от землянки, в которой проживал А.П. Ермолов [4].

О пресловутой землянке Ермолова нет ни одного документа, подтверждающего, что она была в действительности. Просто в дни 65-летия крепости «Памятник ермоловской эпохи» «был создан в 1883 году князем Дондуковым-Корсаковым, который отдал приказ реставрировать одну из сохранившихся еще со

времен закладки крепости землянок и изготовить бюст Ермолова, который и был установлен на высоком постаменте, а со стороны улицы, названной Ермоловской (с 1920 года – имени Чернышевского) была поставлена решетка с надписью: «Здесь жил А.П.Ермолов». Таким образом, безымянная землянка была превращена в «Ермоловский памятник» через 65 лет после закладки крепости». [20а, с. 17-18]]

Не все сегодня знают, что после Октябрьской революции 1917 года бюст Ермолова был снят вместе со всеми памятниками царской эпохи, а в пятидесятых годах, когда чеченцы были изгнаны с Родины, тут был сооружен мемориальный комплекс с огромным черным бюстом Ермолова, возвышающимся над фасадной стеной с четырьмя мраморными плитами и железной дверцей. Надписи на плитах были оскорбительны для чеченцев. На первой: «Здесь была землянка, в которой жил основатель крепости Грозная Ермолов»; на второй: «Никогда неразлучно со мной чувство, что я – россиянин. А.П. Ермолов»; на третьей: «Патриот, высокая, истинно русская душа, дела и мысли чисто государственные. Грибоедов о Ермолове»; на четвертой: «Народа сего подлее и коварнее нет под луной. Ермолов о чеченцах». Последняя плита была убрана только в начале 1958 года. Приехав в Грозный в августе 1957 года, я еще застал ее. Комплекс несколько раз взрывали, обвиняли и сажали студентов, пока в годы перестройки не уничтожили совсем и не открыли на этом месте шашлычную.

В конце 1820 года солдаты Куринского егерского полка закончили строительство дома, в нем разместили кабинеты Ермолова и Грекова с единой приемной. Были в нем и столовая, и несколько небольших комнат, которые служили гостиничными номерами для высокопоставлен-

ных лиц, прибывавших время от времени в крепость или останавливавшихся на отдых по пути следования в Грузию, Персию, Армению и т.д. Дом в эти дни становился для них и резиденцией. Была в нем еще одна большая и светлая комната, служившая общежитием для «не особо высокопоставленных лиц». Пол ее был покрыт персидским ковром, на него и стелили постель для приезжих.

В истории Грозного Дом коменданта крепости широко известен и тем, что в его общежитии некоторое время жил, работал над комедией «Горе от ума» и читал отрывки из нее А.С.Грибоедов. Приехал он в крепость в конце 1825 года в распоряжение А.П. Ермолова как чиновник-дипломат и работал секретарем генерала. Грибоедов не ограничивается исполнением обязанностей секретаря. Он много разъезжает по Кавказу, изучает местные обычаи и традиции, знакомится с культурой и фольклором горцев. Много успел проделать Грибоедов за месяц с небольшим пребывания в крепости Грозная, пока в конце января 1826 года не был распоряжением царя именно здесь арестован по обвинению в причастности к делу декабристов. Арестовал поэта фельдъегерь, специально приехавший из Петербурга, куда и был отвезен Александр Сергеевич. Провожала поэта группа офицеров. На этом месте сегодня стоит здание Казначейства России по Чечене.

Постепенно именно на улице Михайловской, как на самой центральной, были выстроены все самые значимые в истории города объекты, из которых на сегодня сохранились только два здания – особняки нефтепромышленников П.Косенко и немного в стороне – Кушева. В первом сегодня расположен офис «Билайна», во втором – Союз писателей республики.

На этой улице было возведено и первое здание Общественного собрания. До 1876 года в захо-

лустном, тонущем в грязи городе, в котором и проживало всего-то около пяти тысяч человек, не было ни театра, ни библиотек, ни других учреждений культуры, даже газеты и журналы поступали в город от случая к случаю.

Такое положение было нетерпимо, и вот в 1876 году любители театрального искусства города Грозного впервые образовали свое общество. Десять наиболее активных его членов-энтузиастов взяли в банке заем и построили театральное здание на углу городского сада, который находился тогда в пределах улиц Дундуковской и Михайловской.

В «Сборнике сведений о Терском крае» в 1878 году отмечалось: «В Грозном для помещения Общественного собрания (клуба) недавно выстроено особое, красивое здание с театром и зрительным залом на триста мест, в котором даются любительские спектакли». Очевидец этого большого события писал в газете «Терские ведомости» в 1878 году, что театр – «это небольшое, но очень удобное и веселенькое каменное здание, включающее в себя большой зал с хорами и сценой, гардеробные, буфет и прочее. На занавесе – панорама города Грозного. Его расписал местный художник-любитель Соколов. В театре ставятся любительские спектакли. Собранные деньги идут на погашение ссуды...» [2, с. 33; 6, с. 50]

В девяностые годы XIX века здание Общественного собрания полностью перешло в собственность города и стало единственным местом, «где грозненская интеллигенция могла проводить зимние вечера. По воскресным дням здесь давали любительские спектакли и концерты, а в праздники устраивались танцы под духовой оркестр. Приезжали из других городов гастролирующие артисты. Особым успехом пользовались гастрологи Бакинской оперетты» [2, с. 33].

Это здание оставило большой след в истории города и всей Чечни. Сильно разрушенное в ходе Гражданской войны, оно было восстановлено в 1920 году первым инженерным полком Кавказской трудовой армии. Но денег на содержание его не было, и решением Грозненского горисполкома здание отдали Союзу строителей под рабочий клуб, который проработал в нем до июня 1928 года. А 18 июня 1928 года грозненский совет, отметив в своем постановлении «крайне слабую работу для детей в части создания для них условий в организации здорового культурного отдыха во внешкольное время», решил «передать помещение клуба строителей с прилегающим к нему городским садом ГОРОНО для организации в г. Грозном Дворца пионеров и школьников». [12, с. -172-173] Здание несколько раз перестраивалось, расширялось, но всегда оставалось во власти детей. С 1991 года оно стало называться Домом детского творчества. А ныне в восстановленном, надстроенном и расширенном здании располагается мэрия г. Грозного.

Именно на улице Михайловской – напротив, через улицу имени Н. Чернышевского находилось здание Клуба офицерского, собрания крепости Грозной, построенное в 1823 году на площади, спланированной после вырубки леса на западной стороне крепостного вала. Строили его из дерева солдаты того же Куринского полка. Было здание одноэтажным. В клубе размещались буфет, комната отдыха, библиотека с большим читальным залом, в котором проводились занятия по военному делу. Оно было ограждено высоким каменным забором с амбразурами, в которых пушки стояли всегда наготове на случай нападения горцев. Теперь офицеры могли собраться вместе после службы для общения, просвещения и совместного досуга, чтобы как-

то скрасить свою гарнизонную жизнь.

Большое участие в работе Офицерского клуба и его кружков принимали сосланные на Кавказ и служившие в крепости Грозной поэт А. Одоевский, декабристы Н. Лорер, В. Лихарев, Б. Бодиско и другие. В дни первой (1837 г.) и второй (1840 г.) ссылок на Кавказ в этом Клубе часто бывал и читал сослуживцам свои сочинения Михаил Юрьевич Лермонтов.

В советское время с 1921 года в нем размещался рабочий клуб Союза металлистов завода «Красный молот». В сентябре 1927 года в нем проходила «встреча комсомольцев и молодых рабочих завода с приехавшим в наш город Грозный членом президиума исполкома Коммунистического интернационала молодежи (КИМ) Антонио Мартини из Италии». А в сентябре 1929 года в клубе выступал писатель А.С. Серафимович, совершавший вторую поездку по Чечне, описанную им позже в очерке «Поездка по Чечне».[5]

Снесено здание Офицерского клуба было только в 1953 году, и площадка пустовала до 1965 года, пока на ней не построили Дом политического просвещения, разрушенный в первую чеченскую кампанию. Сейчас там стоит здание Налоговой службы России по Чеченской Республике.

Именно на улице Михайловской находилось очень простой, но красивой архитектуры здание первого среднего учебного заведения Грозного – реального училища, построенное в 1912 г., как писала газета «Терские ведомости» в те годы, «на суммы общественные, которые составляются из добровольных взносов благотворителей и меценатов». Оно оставило заметный след в истории Грозного и Чечни хотя бы тем, что в нем учились многие люди, ставшие позже писателями, учеными, политическими, военными

деятели Чечни: первый руководитель грозненских большевиков Н. Анисимов, командир Чеченской Красной армии Асланбек Шерипов, чеченский писатель Саид Бадиев, первый чеченский ученый-языковед Ахмад Мадиев и другие.

Здание реального училища до начала первой операции «по наведению конституционного порядка в Чеченской Республике» с трех сторон окружало строение Грозненского нефтяного института, но в ходе той самой «операции» было разрушено. После завершения второй кампании «контртеррористической операции» корпус института восстановлен в новом архитектурном облике.

Именно на улице Красных фронтовиков стояло и скромной архитектуры здание республиканского Русского драматического театра им. М.Ю. Лермонтова, которое было построено в 1926 году, потому что «в связи с реконструкцией нефтяной промышленности Чеченской автономной области и ростом добычи нефти стало быстро увеличиваться население г. Грозного. Если в 1920 году в городе проживало около 45 тыс. человек, то к началу 1925 года эта цифра достигла 69 тысяч. Сразу же возникла нехватка учреждений культурного назначения в г. Грозном». По этой причине на углу ул. им. Красных фронтовиков и пр. им. Орджоникидзе и началось строительство комплекса по проекту архитектора А. Ларионова, который соединил в одном здании школу, кинотеатр и зал съездов. В 1928 году в этом здании открылся первый в истории города профессиональный театр. В 1937 году он стал Республиканским русским драматическим театром, а в 1941 году в память о столетии со дня смерти великого поэта ему было присвоено имя М.Ю. Лермонтова, много раз бывавшего в Чечне и в крепости Грозной. Сейчас,

после двух войн, на этом месте – пустырь.

Именно на улице Красных фронтовиков стояло большое здание проектного института «Гипрогрознефть», построенное по проекту архитектора Л. Дедкова. Создан был институт в 1920 году. Вначале это было небольшое проектное бюро со штатом всего тринадцать человек. В таком виде оно не могло удовлетворить требования в проектировании и строительстве бурно развивающейся нефтяной и перерабатывающей промышленности республики. Поэтому уже в 1926 году бюро было преобразовано в проектный институт «Гипрогрознефть». За короткий срок, в сорок пять лет, большой трудовой путь прошел этот институт – от проектирования примитивных кубовых батарей до современных мощных технологических установок и нефтеперерабатывающих заводов. Достаточно сказать, что почти все предприятия нефтепереработки Грозного построены по проектам «Гипрогрознефти». По проектам его были возведены такие гиганты нефтеперерабатывающей промышленности СССР, как Мозырский завод в Белоруссии и Павлодарский в Казахстане, первые нефтеперерабатывающие заводы и установки в Румынии, Китайской Народной Республике, Чехословакии и других странах. [1а, с. 54-55].

В здании института «Гипрогрознефть» в 1995-1996 годы до печально известных августовских событий располагалось возрожденное Правительство Чеченской Республики. Сейчас на его месте – двенадцатиэтажный современный жилой дом.

Были на улице Михайловской (Красных фронтовиков, Лорсанова) и другие исторические строения, которых, увы, сегодня нет и не будет уже никогда.

Литература:

1. Ботьбух А.В. Флагман грозненской нефти. Грозный, 1987.
- 1а. Вайсман А.Е. Растет наш Грозный. – Грозный, 1957.
2. Ваксман А.А. Записки краеведа. – Грозный, 1984.
3. Газета Грозненского нефтяного института За нефтяные кадры. 2006, №3.
4. Газета Грозненский рабочий. – 1980. – 26 февраля.
- 5 Газета Грозненский рабочий. – 1983. – 17 августа.
6. Город Грозный / Сост. Казаков А.И/ Грозный, 1984.
7. Гриценко И.П. Современники середины XIX века о Чечне и чеченцах. Археологический сборник. – Т. 2. – Грозный, 1968.
8. Грозненский государственный нефтяной институт имени академика М.Д. Миллионщикова 1920-2005 гг. /Ответственный редактор Керимов И.А. – Грозный, 2005 г.
9. Казаков А.И. Страницы истории города Грозного. – Грозный – 1989.
10. Киреев Е.П. Пролетариат Грозного в революции 1905-1907 гг. – Грозный, 1975.
11. Киреев Е.П. Это было в 1918 году // В кн.: Стодневные бои в Грозном. – Грозный, 1959.
12. Культурное строительство в Чечено-Ингушетии: (1920-июнь 1941 гг.) Сб. документов и материалов. – Грозный, 1979.
13. Кусаев А. Д. Улицы моей юности // Столица плюс, 2004.-8 сентября.
14. Михайлик В. Блестящий разгром Волгского полка. В книге Стодневные бои в Грозном.
15. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. В 2-х томах. – Т. 1. – Грозный, 1967.
16. Пономарева И.З., Севостьянов П.М. Памяти вечной достойны. – Грозный, 1987.
- 16а. Пономарёва И.З. и др. Грозный. Город, каким тебя мы помним. М., 2012.
17. По Чечено-Ингушетии: Путеводитель / Под общей ред. Рыжикова В.В. – Грозный, 1980.
18. Рыжиков В. В., Голубицкий А.А. Памятники природы и заказники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1985.
19. Самарин Ф.И. В мятежные годы. Грозный, 1961.
20. Хасбулатов А.И. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Чечено-Ингушетии (конец XIX-начало XX в). М., «Дело», 1994.
21. Шабаньянц Н.Ш. Город Грозный. Грозный, 1972.
22. Шерипов А.Д. Статьи и речи / Пер. с чеч. Кусаев А. – Грозный, 1977.
23. Ширяев С.Д. Грозненская область. Грозненское книжное издательство, 1955.

КУХНЯ НАРОДОВ МИРА

МЧАДИ С СУЛУГУНИ (ГРУЗИЯ)

(2 порции)

Ингредиенты:

400 г кукурузной муки,
1 ст. ложка подсолнечного масла,
200 г сыра сулгуни.

Правильнее всего готовить мчади из белой кукурузной муки, но если ее нет, то допустимо и с желтой. Чтобы лепешки получились более воздушными, их можно сделать на теплой минеральной газированной воде.

Муку соединить с теплой водой (35 – 40 градусов), чтобы получилось тесто той консистенции, которая нужна для оладий: в руки взять можно, но если подержать на весу – растечется.

Разогреть на сковороде масло и выложить на нее сформированные из теста четыре продолговатые толстые лепешки. Обжарить до золотистости с обеих сторон (в Грузии мчади жарят на сухой глиняной сковороде кеци и пекут в печи). Снять на бумажное полотенце, чтобы масло стекло. Подавать с сулгуни, нарезанным ломтями.

ХАРЧО ИЗ КУРИЦЫ ПО-ГРУЗИНСКИ

(5 порций)

Ингредиенты:

2 ст. ложки риса,
1 куриная грудка,
1 головка репчатого лука,
1 головка чеснока,
½ банки томатной пасты,
кинза – по вкусу,
хмели-сунели – по вкусу,
2 штуки лаврового листа,
соль – по вкусу,
молотый черный перец – по вкусу.

Сварить куриную грудку в подсоленной воде. Достать ее из бульона и засыпать в него промытый рис. Пока рис варится, нарезать головку лука кубиками и на медленном огне обжарить до золотистого цвета (главное не пережарить).

Когда лук готов, добавить в сковородку томатную пасту, хорошо перемешать с луком и добавить пару столовых ложек куриного бульона. Накрыть крышкой.

Пока рис варится и тушится томатная паста с луком, филе курицы отделить от костей (если вы варите курицу с косточками, так бульон получается более наваристым) и порезать мясо соломкой (т.е. вдоль волокон, но так чтобы не получилось очень длинно) и засыпать обратно в бульон к рису.

Добавить к курице и рису томатную смесь и оставить вариться на медленном огне.

Чеснок натереть на мелкой терке и добавить в суп.

Кинзу промыть под струей холодной воды и добавить в блюдо.

Затем добавить лавровый лист, хмели-сунели, соль, перец – все по вкусу. Хмели-сунели лучше добавлять больше, чтобы вкус был насыщенней. Не переборщите с рисом, иначе на утро у вас будет не суп харчо, а каша. Кинзу с чесноком очень важно класть в последнюю очередь. Вкус кинзы и чеснока должен быть ярко выраженным. Когда вы убедились, что суп готов, сразу на стол не подавайте, а дайте настояться еще пару минут.

ЧАНАХИ СО СЛАДКИМ ПЕРЦЕМ (ГРУЗИЯ)

(5 порций)

Ингредиенты:

80 г листьев кинзы (кориандра),
1 кг баранины,
100 г курдючного сала,
60 г сливочного масла,
400 г баклажанов,
400 г помидоров,
200 г молодого картофеля,
350 г красного лука,
200 г красного сладкого перца,
40 г чеснока,
80 г петрушки,
80 г зеленого базилика,
35 г чабера,

15 г красного стручкового перца,
соль – по вкусу,
молотый черный перец – по вкусу.

Чанахи – это очень сытное и крайне легкое в приготовлении блюдо из баранины с овощами.

Курдючное сало нарежьте мелкими кубиками, а мясо – крупными кусками, примерно, два на два сантиметра.

Баклажаны, перец, картофель, помидоры и лук нарезать одинаковыми крупными кубиками. Зелень и чеснок измельчить.

В кастрюлю с толстым дном выложить подготовленные продукты в следующей последовательности слоями: курдючное сало, мясо, овощи, зелень, чеснок, соль и перец.

Закрыв крышкой довести до кипения на сильном огне, после чего убавить температуру ровно на столько, чтобы чанахи томились. Как правило, если мясо, охлажденное и молодое, то одного часа достаточно. Если уверенности в мягкости мяса нет, то время приготовления можно увеличить до 1,5 или 2 часов. Чанахи подается горячим.

КУБИНСКИЙ САЛАТ С КУРИЦЕЙ И АВОКАДО

(1 порция)

Ингредиенты:

1 куриное филе,
2 лайма,
1 авокадо,
1 апельсин,
1 головка красного лука,
10 г мяты,
90 мл оливкового масла,
150 г листьев салата романо (если нет, можно обычный салат),
соль – по вкусу,
сахар – по вкусу,
черный молотый перец – по вкусу.

Курицу нарезать на тонкие ломтики, а затем замочить ее в соке лайма вместе с солью и перцем (на 5-10 минут). Затем мясо обжарить на масле.

Из апельсина вырезать дольки (срезав всю белую часть), лук нарезать толстой соломкой, авокадо – на кубиками. В сок лайма добавить мяту (свежую или сушеную), 60 мл масла, сахар, соль и перец. Перемешать с помощью венчика. Салат романо, авокадо, лук, курицу, апельсины смешать с заправкой и подавать на стол.

КУБИНСКИЙ СУП ИЗ ЦВЕТНОЙ КАПУСТЫ С СЫРНЫМ СОУСОМ

(1 порция)

Ингредиенты:

200 г цветной капусты,
20 г пшеничной муки,
2 куриных яйца,
30 г сыра,
500 мл овощного бульона,
1 пучок зелени,
соль – по вкусу,
молотый черный перец – по вкусу.

Цветную капусту разобрать на соцветия и отварить в подсоленной воде. Разбить яйца и отделить белки от желтков. Подогреть желтки, добавить муку, тертый сыр, соль и перец. Затем нагреть массу до загустения, постоянно помешивая.

Взбить белки и соединить их с желточно-сырной массой. Снова прогреть. Выложить в супницу цветную капусту, залить яично-сырным соусом. Влить горячий бульон и посыпать рубленой зеленью.

МОРОЖЕНОЕ-КРЕМ ИЗ МАНГО ПО-КУБИНСКИ

(4 порции)

Ингредиенты:

3 манго,
2 мл лимонного сока,
4 ст. ложки сахара,
2 яичных белка,
125 г жирных сливок (30%),
соль – по вкусу.

Крем из манго по-кубински – это легкое лакомство, бодрящее в жаркие дни. Его подают как освежающий десерт-мороженое, посыпанное тертым шоколадом. Готовить крем очень просто: Первым делом помыть манго, удалить из них косточки и снять кожицу. Поделить мякоть на две равные части и одну из них мелко нарезать. Вторую часть измельчить в миксере вместе с сахаром и лимонным соком. Затем отделить яичные белки и взбить в пышную белую пену,

немного подсолить. Не переставая взбивать, добавить 1 ст. ложку сахара. Далее взбить сливки в густую пену, смешать их с уже взбитыми белками, кусочками манго и манговым пюре. Получившийся крем разложить по вазочкам и поставить в морозильник на полчаса. Перед тем как подавать к столу, украсить крем тертым шоколадом.

ЯЙЦА, ЗАПЕЧЕННЫЕ С СЫРОМ ПО-ПОЛЬСКИ

(8 порций)

Ингредиенты:

8 яиц,
150 г сыра фета,
2 ст. ложки сливочного масла,
2 ст. ложки сметаны (свежей),
0,5 стакана томатной пасты,
зелень петрушки – по вкусу,
поваренная соль – по вкусу,
перец черный молотый – по вкусу.

Сварить вкрутую куриные яйца. Разрезать их на половинки и из каждой достать желток. Размять желток вместе с сыром фета и сливочным маслом, добавить сметану и всё тщательно перемешать. Приправить перцем и солью, если сыр фета недостаточно соленый. Не пересолить! Получившейся массой нафаршировать яичные белки. Теперь взять полстакана томатной пасты и разбавить ее водой. В глубокую форму для запекания налить разбавленную томатную пасту, поместить туда фаршированные яйца и поста-

вить в разогретую духовку. Сильно разогревать духовку не следует. Запекать фаршированные яйца необходимо в течение 15-20 минут. При подаче украсить листьями петрушки.

ЯБЛОЧНО-МАКОВЫЙ ПЛЯЦОК (ПО-ПОЛЬСКИ)

(18 порций)

Очень нежная выпечка с оригинальным сочетанием разных вкусов, быстрота приготовления и отсутствие муки.

Ингредиенты:

0,5 кг пищевого мака,
0,5 стакана грецких орехов,
0,5 стакана изюма,
300 г сливочного масла (250 г в тесто и 3 ст. ложки для помадки),
350 г сахара,
1 ч. ложка разрыхлителя,
9 яиц,
12 ст. ложек манной крупы,
1 кг яблок,
100 г шоколада.

Мак запарить кипятком. Воду слить, мак трижды пропустить через мясорубку. Прибавить порубленные орехи, промытый и обсушенный изюм, манную крупу и мягкое масло. Яблоки потереть на терке с большими отверстиями. Белки взбить с сахаром в пышную массу. В маковую массу по одному вмешать желтки, затем прибавить белки, разрыхлитель, натертые очищенные

яблоки. Тесто вылить в устланную пергаментной бумагой форму и выпекать 50 минут при 180 градусах. Остудить. Полить растопленным с маслом шоколадом. При подаче порезать на ромбы и украсить вишенкой.

ЗРАЗЫ ОТБИВНЫЕ ИЗ ГОВЯДИНЫ

ИНГРЕДИЕНТЫ

(4 порций)

Ингредиенты:

450 г говядины,
2 головки лука репчатого,
2 панировочных сухаря,
30 г пшеничной муки,
50 г сливочного масла,
30 г растительного масла,
0,5 г морской соли.

Зразы, приготовленные по такому кулинарному рецепту, очень напоминают мясные рулетики, но необыкновенно вкусные – особенно, соус, который можно есть отдельно ложками. Этой едой можно украсить любой праздничный стол. Мясо нарезать вдоль волокон так, чтобы получились ломтики толщиной 1,5 см. Затем

хорошенько отбить их до тонкого состояния. Репчатый лук мелко пошинковать и перемешать с панировочными сухарями и сливочным маслом комнатной температуры. На подготовленные кусочки говядины выложить начинку, свернуть рулет. Края каждого рулетика скрепить зубочисткой. Обвалять зразы в муке и обжарить на растительном масле со всех сторон на сильном огне до золотистого цвета. Затем выложить зразы, в сотейник, сверху – оставшуюся начинку. Подлить воду, чтобы полностью закрыть зразы и посолить. Накрыть сотейник крышкой и тушить на медленном огне 1,5 часа. Зразы из говядины по-варшавски подавать с любым гарниром.

Рубрику подготовила Р. Берсанова

Учредитель:
Министерство
Чеченской Республики
по национальной политике,
внешним связям, печати и информации

364060 ЧР г.Грозный,
бульвар С. Дудаева, Дом Радио

Журнал зарегистрирован Управлением
Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Чеченской Республике 05 февраля 2014 г.
Регистр. свид-во ПИ № TV 20-00092
Журнал выходит с 2003 г.

Директор
ГАУ «Издательский дом»
Сулиман
Мовлаевич Мусаев

Главный редактор
Сулиман
Мовлаевич Мусаев

Редколлегия:
М. Ахмадов
З. Алиева
М. Магоматов
Л. Довлеткиреева
А. Умарова

Дизайн и верстка – Нухаева З.Э.

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором
экземплярах, а также на электронных носителях.
Рукописи не рецензируются и
не возвращаются.

E-mail:
izdatelskiy_dom2019@mail.ru

Сайт: <http://www.izdat-dom.ru>

Журнал выходит один раз в квартал.
Журнал набран на компьютерной базе
ГАУ «Издательский дом».
Адрес редакции/издателя: 364024
Чеченская Республика г. Грозный,
ул. Н.А. Назарбаева, 92.

Отпечатано в типографии

364024, ЧР, г. Грозный, ул. Грибоедова, 110.

Сдано в печать 25.01.2023. Дата выхода в свет: 26.01.2023

В случаях полиграфического брака обращаться в
типографию, указанную в выходных сведениях журнала.

Тираж 10 экз.

Свободная цена
Заказ № ____

На обложке: мемориальный комплекс-памятник чеченским женщинам, погибшим в 1819 году в селе Дади-Юрт.

izdat_dom_chr

izdat_dom_chr

izdatel_dom_chr

izdatdomchr

izdat_dom_chr2019

